

ЭЛЕЙН ЭВАНС

ЗАМЕНЯЮЩАЯ СОЛНЦЕ

Элейн Эванс

Заменяющая солнце

«Издательские решения»

Эванс Э.

Заменяющая солнце / Э. Эванс — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-962610-3

Эта история началась ещё в далёком 1950 году, в несравненном городе Париже. Страшная трагедия разрушила семью, оставив горе и шрамы на руках маленькой девочки. Течение времени переносит нас в Западную Вирджинию, где ещё одна героиня, светлая, ранимая художница Мария будет вести борьбу с тёмными демонами, поедающими её душу и только любовь настоящая, первая, сможет пролить солнечный свет в её мир.

ISBN 978-5-44-962610-3

© Эванс Э.
© Издательские решения

Содержание

Посвящается моим родным, любимым людям, друзьям, главным образом моим родителям, Нелли и Виктору	6
Глава 1. Париж, 1950 Год	7
Глава 2. Мария	11
Глава 3. Мария	15
Глава 4. Париж, 1950 год	19
Глава 5. Мария	22
Глава 6. Мария	26
Глава 7. Париж, 1950 год	29
Глава 8. Мария	33
Глава 9. Мария	37
Глава 10. Ника	43
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Заменяющая солнце

Элейн Эванс

© Элейн Эванс, 2019

ISBN 978-5-4496-2610-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

**Посвящается моим родным, любимым людям, друзьям,
главным образом моим родителям, Нелли и Виктору**

Глава 1. Париж, 1950 Год

Малышке Лори вот-вот исполнится пять лет и сейчас она была такой хорошенькой, что порою я не верила, что это моя дочь. Словно фарфоровая куклолка с витрины магазина, мой ангел смотрел на меня своими изумрудными глазами, которые ещё совсем недавно были синего цвета. Волосы её забавно вились, кудряшки обрамляли светлую головку, спадая до плеч. Я любила её больше жизни, она была моим воздухом, моей волей к жизни. После того как Гейб погиб в сорок четвертом я узнала, что беременна, а он так и не успел испытать это счастье со мной.

Выглянув в окно, я столкнулась с уже привычной серостью этого, когда-то такого величественного города. Стояла жаркая и душная весна, но мне все казалось, что сейчас глухая осень и день точь-в-точь как тот, когда я покинула стены родного дома. Париж был не тем городом каким был до войны и это было совершенно понятно, как и добрая часть Европы сейчас он переживал не лучшие времена. После долгой оккупации город кажется вздохнул с облегчением, но всё же он чувствовал, что утратил что-то очень ценное и ему не вернуть былого величия. Но я верила, что мой Париж скоро вновь воспрянет духом, как и я сама. Вернувшись спустя пять лет с грудным ребёнком на руках, я знала, что я дома.

«Сердца на войне обречены» напутствовала меня мать прощаясь, когда осенью тридцать девятого года я, желая выполнить гражданский долг, отправилась на фронт военной медсестрой. Европа сотрясалась от молниеносного блицкрига и нас сразу же перебросили на фронт близ Польши.

О как сильно была права моя мама. Каждый день сражаясь за жизнь, встречая смерть лицом к лицу все чувства накалены до предела, вокруг тебя разносятся стоны, плач, мольбы о помощи, прекращении страданий и о скорой смерти, именно тогда я повстречала Гейба. Наша встреча была внезапной, будто порыв холодного ветра засушливым жарким днем. Он был ранен, пулевое ранение, но к счастью сквозное, в день нашей встречи я ассистировала доктору Граню, пока Гейб без анестезии мужественно зажав зубами твёрдый жгут смотрел прямо перед собой, не издав ни звука. Я почувствовала, что должна взять его за руку в тот момент, а он сжал её и пристально посмотрел в мои глаза и я не смела отвести взгляда или же отдернуть ладонь, которую он так сильно сжимал, отчего на руке появился фиолетовый синяк.

Я была влюблена в него с первой секунды. Зеленые глаза прожгли меня насквозь сбив дыхание, сбив сердечный ритм, я думала о нём днём и ночью, молясь Деве, чтобы он вернулся живым и здоровым.

С Гейбом у нас сразу образовалась невидимая связь. Он появлялся и исчезал ничего не объясняя. Но дни, когда он придёт я точно чувствовала. Ветер становился другим, более ласковым, краски вокруг пылали ярче, а сердце с самого пробуждения билось чаще обычного. Я знала, что увижу его сегодня. Гейб находил меня среди туманов пыли, под небом, освещённым искрами разорванных снарядов, он находил меня вопреки всему. Наши встречи были недолгими, но яркими как вспышки огнестрельного оружия в ночи. В ту редкую свободную минуту, что мне удавалось выкроить, мы гуляли, я всегда крепко держала его за руку, смело шагая чуть позади и лицезря широкую спину моего светловолосого солдата. Мы болтали обо всём на свете, о музыке, поэзии, кино. Но я не знала ни его настоящего имени ни откуда он был родом, понимая, что это опасно. Гейб дал это понять ещё при первой встрече, когда я попыталась узнать о его родном городе. Лицо его сделалось не проникновенным, он заслонился от меня маской, наподобие тех, которые надевают в театре масок «Но» в Японии, а после он быстро сменил тему и вновь исчез на несколько месяцев.

По ночам, когда становилось особенно страшно, я думала о нём, о том взаимны ли наши чувства и молилась, чтобы Гейб вновь вернулся ко мне.

Я никогда не боялась смерти и вступила в добровольцы даже не задумываясь, увидев однажды листовку с призывом, возвращаясь из медицинской школы. Так поступили не все в моей семье, моя старшая сестра с детства была очень циничной и корыстной особой, нашей матери пришлось нелегко из-за её капризов, а также дикого рвения пробиться в люди. Элли хотела стать эстрадной певицей и у неё действительно был талант к пению, вот только характер всё портил. Но это отдельная история. Когда наша матушка услышала о том, что я собираюсь отправиться на фронт в качестве военной медсестры она проплакала всю ночь, но увидев ясную решимость в моих глазах отпустила меня с улыбкой. Элли же напротив посчитала эту затею бессмысленной.

Я покинула стены родного дома в ноябре, как только общественность стала осознавать, что война – реальна, что все действительно происходит. Я не могла просто сидеть сложа руки, сердце рвалось из груди на встречу жизни.

Мать писала мне письма по началу рассказывая, что весь Париж охвачен волнениями скорой приближающейся угрозы, немцы вели так называемую странную войну, выжидая наилучшего момента наступить, всё вокруг ей казалось таким странным, не только люди, но и в воздухе было что-то необычное. Иногда, открывая окошко, можно было услышать слегка кисловатый, почти хвойный запах пороха. Игра разума началась ещё до начала войны с Францией.

В июне ситуация на западе Европы сильно обострилась, вскоре Париж и вся северная часть Франции, проиграв сражение врагу и потеряв больше ста тысяч солдат, были оккупированы немцами. Они сразу же навели свои порядки в Париже, присваивая всё на своём пути и переименовывая улицы, формировали новое государство. Узнав об этом я горько плакала, не имея возможности получать вестей из дома, справится о здоровье матери и сестры. Я следила за всеми новостями, стараясь быть в курсе того, что происходило на родных Елисейских полях. Быть вдали от дома – это всегда нелегко, а находясь на линии фронта, помогая раненым солдатам, постоянно слыша мольбы о помощи, я искала в них голоса своих родных и сотрясалась от ужаса, видя какие увечья наносит война всему живому. Тогда я ещё не знала, как обстояли дела в оккупированном Париже и других территориях Франции.

А сейчас мы жили втроем в нашей старой квартирке близ парка Монсо, я, Элли и Лори. Мама скончалась от воспаления лёгких в сорок третьем году, что было для меня сильнейшим ударом, когда я вернулась домой. Не могу сказать, что сестра приняла нас с особым энтузиазмом. Она быстро отметила, что я вернулась без мужа, а значит моя жизнь раз и навсегда сломана. Я конечно же так не считала.

Трудно было сказать, отразилась ли эта война хоть как-то на мировоззрении Элли. Матушка часто повторяла ей «Весь мир не лежит у твоих ног», на что старшая сестра парировала «Мир – может быть и нет, а Париж – будет». На книжной полке в её комнате стояло несколько новых наград с песенных конкурсов, я отчётливо видела гравировку на бронзовых статуэтках «22 апреля 1942 год», «9 февраля 1943 год», отчего я сделала вывод, что жизнь Элизабет в оккупированном фашистами Париже никак не переменялась и не отличалась от той, прежней. Следовательно, сестра оставалась той же Элли, какой я помнила её, сильной и независимой, упорной и дерзкой, холодной и порой беспощадной.

Сестра меняла ухажёров как перчатки, которых у неё к слову было очень много, к любому туалету всегда находилась подходящая пара. Я не успевала следить за этим калейдоскопом, а также нарочно не запоминала их имён, стараясь огородить себя и дочь от посторонних. Работая в больнице святого Марка неполный день, я спешила домой к дочке, так как Лори могла быть под присмотром только пока сестра занимается своим утренним туалетом до полудня. Лори нравилось наблюдать за тётёй, её привлекали блестящие украшения, тюбики губной помады и жгуты для бигуди. Элли же в свою очередь не выказывала никаких особых чувств к ребёнку, но и не отталкивала её, разговаривая с малышкой на равных, обсуждая какие серьги

лучше гармонируют с платьем, подаренным её новым кавалером. Меня ничуть не смущала такая связь между тётей и племянницей, я верила, что сестра ни за что бы ни причинила вред ребёнку.

Вернувшись домой к полудню, я увидела Элли в одном из её многочисленных шёлковых халатов на запахе с вышивкой, она уже была причёсана и нанесла макияж, её каштановые локоны аккуратно спадали до плеч, а ярко-красная помада на губах просто кричала на бледной, почти прозрачной кожей. Всё же после войны она изменилась, стала намного стройнее. Я бы даже сказала, что она исхудала. Для меня это оставалось загадкой, ведь каждый вечер, по её словам, она ужинала в лучших ресторанах Парижа. Но даже не смотря на её худобу, быстро взглянув в зеркало у входа, увидев себя в тёмно-синем платье ниже колена с карманами и наспех заколотыми за ушами волосами, я почувствовала, что являюсь лишь бледной тенью Элли. Глаза словно серые мыши прятались на бледном лице, а в уголках уже появились морщинки, не скрывая усталости прожитых лет.

Сестра радостно хлопнула в ладоши увидев меня. Моя дочь сидела рядом у её ног, в лаковых туфлях Элли, которые были ей далеко не по размеру, она радостно улыбалась, глядя на меня.

– Мамочка! – Чистый детский голосочек придал мне мужества, которое мне явно понадобится, ведь сестра уже морщила лоб, что не предвещало ничего хорошего.

– Ну наконец, за мной вот-вот заедут – с нескрываемым раздражением сказала она.

Я улыбнулась Лори и не глядя на сестру подошла и дала ей руку, помогая подняться.

– Пойдем, милая, не будем мешать тётё Элли ждать гостей. – Маленькая модница кое—как сумела подняться в своей уж очень красивой, но большой обуви.

– Да, мам – ответила она и обняла мои ноги. – Я красивая? – Девочка внимательно посмотрела на меня снизу.

– Конечно! Ты самая красивая девочка в целом Париже! – Сказав это, я сделала вид, что не заметила, как сестра закатила глаза. – И тебе пока рано краситься, – достав свой носовой платок из кармана, я принялась вытирать неаккуратно накрашенные маленькие губки своей дочери, – и никакие украшения тебе не нужны, – на шее у девочки красовалась втрое намотанная нитка жемчуга, – ведь ничего не красит тебя лучше улыбки. – С этими словами я поцеловала Лори в щёку, но малышка всё ещё не была довольна ответом.

– Но я хочу быть как тётя Элли! – Вскрикнула девочка. Такого поведения у дочери мне не приходилось наблюдать, про себя я сделала вывод, что Элизабет уже стала плохо влиять на её воспитание. А это значит, что мне придется искать няню, на которую у меня абсолютно не было средств. Вздохнув я снова обратила внимание на сестру, она победно улыбалась, глядя на ребёнка, а затем перевела взгляд на меня. Мы обе молчали, и правая бровь Элли вопросительно поползла вверх.

– Что-нибудь не так? – Язвительно спросила она. Мне хотелось ей сказать, что не так, мне многое хотелось прояснить, но я не смела ругаться с ней при ребёнке, тем более Лори её очень любила и могла неправильно всё воспринять. Но сестра не унималась.

– Видишь? Твоя дочь хочет быть похожей на меня, а не на свою мать неудачницу! – Она хлопнула в ладоши, а мои глаза должно быть налились кровью от гнева. Сжав кулаки, я открыла рот, чтобы возразить на хамство сестры, я хотела спросить прежде всего, что же такого в жизни сделала она чтобы считать себя удачливее меня? И в этот момент в дверь позвонили.

Элизабет метнула на себя в зеркало оценивающий взгляд и инстинктивно поправив причёску ринулась к двери, быстрым, но грациозным шагом.

На пороге оказался мужчина с квадратным свертком в руках, на нём были фетровая коричневая шляпа, костюм цвета слоновой кости, и идеально белая накрахмаленная рубашка. Я сразу определила, что этот кавалер Элли был птицей высокого полёта, где она умудрилась

с ним познакомиться для меня оставалось загадкой, но так как мы все уже оказались в одном помещении, сестре пришлось представить и меня с дочерью.

– Моя младшая сестра и её дочь, Лори. – Щебетала Элли. Мужчина снял шляпу и передав сверток сестре подошел ко мне, галантно поцеловав руку. Я поёжилась, не считая пациентов в больнице другой мужчина не касался меня уже более пяти лет, смутившись, опустила глаза в пол, а Лори же наоборот, смотрела на нового знакомого сияющей улыбкой.

– Лори. – Малышка протянула ему руку, и я почувствовала, что готова провалиться под землю со стыда, кто научил её этому жесту?

Мужчина, улыбнувшись, поцеловал маленькую ручку моей дочери и наконец выпрямившись, представился.

– Джейкоб М. Бергер, – от него веяло уверенностью, что определённо сразу же привлекало внимание.

Отчего-то мороз побежал по моей коже, я почувствовала начало нового этапа. Что-то произошло с его приходом, в спине закололо, заныло предательством. Уходите, мысленно просила я, пока мужчина искренне и дружелюбно улыбался мне под пристальным и холодным взглядом моей старшей сестры.

Глава 2. Мария

Западная Вирджиния, 1986 год За дождевыми облаками

«Милая, проснись, нам пора в школу» воздушная, точно облачная мягкость сестринского голоса будоражила меня. Кажется, я почти что уловила запах её кожи, зажмурив веки посильнее, я надеялась задержать Аннет здесь рядом со мной на столько, на сколько это было возможно. Но открыв глаза, я увидела, что меня приветствовало лишь тихое и горькое молчание собственной комнаты. Аннет здесь нет. Я отвернулась к подушке и громко заплакала.

За окном стоял серый февраль, в этом месяце мне исполнилось 16 лет, и это первый день рождения, который я отказываюсь отмечать после побега сестры.

В саду тихо спали деревья, молчали искусственные фонтаны на подъездной дорожке. Спал и огромный могучий великан по центру, многолетний развесистый дуб. Всё ожидало весны, как и я сама.

Миссис Хипкинс встречала меня с завтраком. Как же пусто в этом доме без сестры. Сердце сжалось, я больше не могла обедать в этом зале, с каждым днём надежда, что сестра вернётся, угасала, и находиться за дубовым обеденным столом было невыносимо. Я часто вспоминала какие тёплые душевные вечера мы проводили тут четвером. Двое из нас были старшими, Маргарита и Фрэдрик, сейчас они оба переехали в город, где успешно заканчивают медицинский колледж, и мы с Аннет, две младшие сестры, непохожие внешне, но с одной душой на двоих. Но от беззаботных и счастливых дней в этом доме не осталось и следа. Мама уже давно не обедала вместе со мной, проводя почти всё время после исчезновения Аннет в своей комнате, пока отец пропадал на работе. Меня окружали бесчисленные комнаты и воспоминания, которые она оставила мне, в каждом уголке этого дома я видела лицо сестры и слышала её голос, почти что, погибая от тоски.

На столе меня ждала овсяная каша со свежими фруктами, стакан сока, и только что испеченные булочки с корицей. Миссис Хипкинс заботливо похлопала меня по плечу пригласив сесть за стол. Увидев свободное место рядом с собой, я вскочила как ошпаренная и схватив с собой несколько булочек бросилась прочь из дома. Дверь за мною громко хлопнула, словно негодуя за то, что я пренебрегла добротой нашей домработницы, которая растила меня с тех пор, как только я открыла глаза и увидела свет Божий. Как чужая, я покидала границы наших владений, несясь по узкой асфальтированной дорожке вниз, пробегая мимо окаменелых деревьев, протягивающих свои холодные сучья ко мне, чтобы схватить и удержать, как когда-то, возможно, они пытались удержать и Аннет, вот только не смогли. Оказавшись за пределами нашего дома, я смогла немного успокоиться, и теперь уже спокойно шагала в направлении школы.

Иногда меня посещают такие невообразимые чувства, словно крылья бабочки моё сердце трепещет в нетерпение, я чувствую, как что-то хочет вырваться наружу, в такие моменты, чтобы помочь этому осуществиться я беру свой альбом и карандаши, ощущая рождение новой мечты. Рисуя, я дышу. Все мои картины посвящены моей сестре, я часто вижу её улыбку в своих воспоминаниях, вот только на холсте не могу изобразить этого, на каждом рисунке моя любимая сестра стоит ко мне спиной, а её прекрасные волосы, цвета молочного шоколада развиваются на ветру. Аннет есть на всех моих рисунках, я надеюсь, что так она сможет почувствовать, как сильно мне её не достаёт, если вся вселенная связана между собой тонкими ниточками, я очень надеюсь, что мои чувства достигнут её.

В обеденный перерыв мне удалось найти подходящее место, где бы я могла в тайне порисовать. К слову, сегодня одноклассники были оживлённее обычного, но с исчезновением Аннет

меня мало волновала школьная жизнь или другие люди, поэтому я не поинтересовалась, что их будоражило. Краем уха услышала о приходе нового преподавателя, и по слухам совсем молодого, не старше двадцати шести. Я вдохнула. И что он забыл в этой глуши?

Все учителя знали о нашей трагедии, и никто не заговаривал со мной без особой причины, словно боялись, что я пропаду так же бесследно, как и она. Надавливая на карандаш сильнее, я рисовала её убегающей вдаль, я не знала была ли она счастлива. Дождь шёл весь день не переставая, здесь на крыльце у запасного выхода я могла вдоволь насладиться атмосферой, серое небо и звук капель с силой ударяющихся оземь, отскакивающих от поверхности издавали при этом особую мелодию, песню дождя.

– О, привет! Ты что здесь делаешь совсем одна? – Незнакомый голос позади вернул меня в реальность, я поёжилась и прижала альбом к себе, не решаясь обернуться.

Никто не должен видеть, как я рисую, или моя мать узнает об этом.

– Меня зовут Доминик Гаррисон, я новый учитель. – Он аккуратно присел со мною рядом и попытался заглянуть в глаза.

– Простите, – чуть заикаясь ответила я, ещё сильнее прижимая рисунки, карандаш хрустнул под давлением в моей руке, отчего моё сердце сжалось.

– Ты в порядке? Что это было? – Он обеспокоенно схватил меня за руку, отчего альбом и разломанный карандаш упали мне на колени и стали доступны его взору. Доминик держал моё запястье, улыбаясь, так что я позволила ему уловить мой потерянный взгляд.

– Не беспокойтесь обо мне, пожалуйста, – аккуратно высвободившись я закрыла альбом и с грустью собрала части карандаша.

– Очень красиво, правда, – он продолжал улыбаться, его улыбка была такой искренней, на секунду я даже перенеслась в прошлое, в те тёплые вечера в зимнем саду нашего особняка, когда мы с Аннет читали книги, играли в шарады, говорили о потаённом, и при этом искренне улыбались друг другу. – Позволишь? – Он потянулся за альбомом, отчего я непроизвольно отсела от него. Доминик удивился, но улыбка не сходила с его лица, учитель был в очках, но даже несмотря на это я заметила какие красивые у него глаза, цвета жжёного сахара, волосы слегка растрёпаны, оттенка какао, почти как у сестры. Что-то в этот момент боролось во мне, странные противоречия, отчего-то мне захотелось показать их ему. Рисунки. Аннет.

– Вот, – робко я подала ему альбом и села поближе, – меня зовут Мария.

– Очень приятно, Мария, – он бережно, словно драгоценность, листал страницы, по несколько минут молча разглядывая каждый рисунок, – думаю, ты очень талантлива, Мария.

Мария, Мария, то как он произносил моё имя вызывало во мне радость и тоску по родному сердцу. Уже давно никто не обращался ко мне так. Мария. Имя звучало по-особенному. Словно оно мне не принадлежало. Как будто девушку, что сидела рядом с нами звали Мария, а я наблюдала со стороны, как расцветает её лицо, и серые тучи начинают рассеиваться.

Когда альбом закончился он аккуратно закрыл его и передал мне в руки.

– Пожалуйста, никому не рассказывайте, – я умоляюще посмотрела на него. Доминик замер в изумлении, не ожидая подобной просьбы, но через мгновение черты его лица смягчились, и он вновь одарил меня своей улыбкой.

– Договорились, Мария. Это будет нашим секретом, – он подмигнул мне и поднявшись подал руку. Я колебалась несколько секунд глядя на него, а затем почувствовала, как кто-то подталкивает меня в спину, словно сестра, появившаяся из неоткуда хочет, что-то мне сказать этим жестом, я дала свою руку в ответ. Он был таким молодым, отчего трудно представить его учителем, меня поглощало смущение.

Позже я узнала, что мистер Гаррисон, наш новый классный руководитель, совсем недавно поселился в нашем маленьком городке и одноклассники поговаривали, что он будет жить у миссис О'Брайн, её огромный дом простаивал уже много лет, муж скончался, а дети давно уехали в большой город, поэтому иногда она сдавала комнаты своего особняка несчастным заез-

жим туристам. Я знала этот дом прекрасно, с ним так же было связано многое, он стоял на окраине города, откуда открывался захватывающий вид на лес и горы. За её домом всегда была прекрасная, утопающая в различных цветах лужайка, где всё было охвачено матушкой природой, никаких заасфальтированных дорожек или декоративных фонтанов, как у нас в саду, при этом хозяйка дома ухаживала за растениями с особой любовью. Порою мне удавалось посидеть у неё на крыльце, там я могла рисовать хоть вечность, Мелинда никогда не выдавала меня матери. Ещё будучи маленькими девочками мы с Аннет часто ходили к ней в гости, чтобы попасть на чудесную лужайку. Если пройти вглубь двора ты уже оказывался в лесу, а там тебя поджидали приключения. Однажды, играя на лужайке мы с Аннет поспорили, как далеко мы могли бы зайти в лес за одну минуту. И громко считая в слух мы что было сил побежали на разглядывая пути вперёд, нашему удивлению не было предела, когда, закончив волшебный счёт мы оказались у заброшенной, но не потерявшей своего бывшего очарования, беседки. Коренья деревьев бережно обвивали её железные прутья, растения создавали причудливый узор, украшая давно увядшую и почти что облешую краску. Нас на столько очаровало это место, что мы совершенно забыли о времени, и когда начало темнеть сильно испугались, сидя вместе в этой беседке мы крепко держались друг за друга, когда перед нами оказалась миссис О'Браян с фонарём в руках. Она выглядела испуганной и запыхавшейся. Нас привели домой, а затем навсегда запретили ходить в лес. Перед сном мы с Аннет сочиняли истории о той беседке, придумывали причудливые легенды о том, что для того, чтобы твоя любовь была вечной, нужно было привести туда объект своего обожания и пробыть там с ним до первых сумерек, как и мы с сестрой. Мы так много говорили об этом, что со временем стали верить в собственные сказки.

А сегодня я почему-то вспомнила об этом. Иногда мне удавалось сбежать из дома незамеченной, и тогда единственным местом где я могла уединиться и предаться своей страсти, рисованию, был именно тот дом. Вот только я больше никогда не ходила в лес без сестры. А иногда мне казалось, что Аннет сидит в той беседке и ждёт меня, все это время.

Когда дождь наконец прекратился небо стало сгущать свои краски, готовясь отправить все сущее ко сну, я отправилась домой. С тяжёлым от воспоминаний сердцем я шла неторопливо, когда впереди себя заметила мужскую фигуру, неужели это был мистер Гаррисон? Он не очень уверенным шагом направлялся в том же направлении что и я, неся огромную сумку на плече. Доминик то и дело останавливался, вглядываясь в сумрачные дома по пути, а я не спеша следовала за ним, не смея нагнать или окликнуть. Он остановился, я тоже. Он обернулся. И вот тогда мы вновь встретились, я сделала шаг навстречу ему, ведомая позади незримой силой.

– Вам помочь? – Совершенно не ожидая от себя решила поинтересоваться я. – Вы ведь к дому О'Брайанов идете? Мне по пути, я могла бы вас проводить, но, если вы против... – из-за волнения я стала говорить быстрее, неожиданно для самой себя.

– Я был бы очень рад, – он ответил мне, казалось, что сумерки вокруг нас рассеялись. Я вновь отчётливо видела его добрые черты лица, округлый подбородок и немного раскосый разрез глаз. Челка небрежно спадала ему на лицо, а сквозь линзы очков на меня смотрели все те же карамельные глаза.

Мы шли не спеша, всю дорогу болтая о школе, литературе, а затем как-то неловко он спросил, почему я скрываю свои рисунки.

– Моя мать, – прошептала я. Словно она могла услышать. – Я прошу вас, сохраните это в тайне.

– Человек который так искренне просит о чём-то, не может остаться отвергнутым. – Ответил мистер Гаррисон.

Я улыбнулась в знак благодарности.

– Я живу здесь, – мне всегда было неловко демонстрировать наш особняк, странный и огромный, словно замок со страниц сказок о принцессах он затмевал все остальные дома

в округе, вот только ничего сказочного не происходило, там не было тех принцесс. Только я. Поэтому я робко склонила голову и жестом указала ему на дом миссис О'Браян. – А вам нужно туда, идите прямо и никуда не сворачивайте и через несколько минут вы окажетесь у правильных ворот. И вот, – я замешкалась, нырнув рукой в сумку достала оттуда сверток с булочками, которые мне так и не пришлось съесть. Миссис Хипкинс не простит мне этого, да и мне хотелось, что-то сделать для него в благодарность за понимание. – Возьмите, эти булочки очень вкусные.

– Спасибо, Мария. – Доминик без колебаний взял свёрток и помахал мне рукой, поспешив в указанном направлении. Я смотрела на его удаляющуюся спину и почему-то впервые не ощутила грусти. Он не покидал меня навсегда. А значит, я ещё увижу его лицо. Мария. Мария. Мария. Вновь и вновь имя звучало в моей голове, произнесённое его голосом. Мария.

Глава 3. Мария

Западная Вирджиния, 1986 год Цвета

Пытаясь удержать что-то незримое, как мартовский пурпурный закат, я напрягала каждую клеточку своего тела, но могла ли я удержать то, что было мне не подвластно? Долго смотрев в окно, я наконец почувствовала её. Идея. Она пришла словно незванный гость, неожиданно, дерзко. Как письмо, которое по ошибке доставили на семь лет позже обещанного, как самое шокирующее известие, которое вы только можете себе представить, она посетила меня. Меня переполняли эмоции. Грусть сменяла радость, а радость становилась грустью и так по кругу. А всё потому что идея – одинока. Пока вы не коснётесь её своей душой, она самый одинокий человек на земле. У неё нет ни родителей, ни друзей. Она приходит к вам за поддержкой, и лишь вы, талантливой рукой Мастера способны лишить её чувства одиночества.

Надев тёплый вязанный свитер Аннет, цвета спелого абрикоса я аккуратно спрятала свою джинсовую самодельную сумку под одежду, тихо спустилась в холл по главной лестнице, не без особого труда, как и все в этом доме лестница была старинной и состояла из скрипучих половиц и балясин. Мне удалось быстро прошмыгнуть мимо прислуги в зимний сад, вход в который находился на первом этаже, под лестничным пролетом, оттуда я спокойно могла покинуть дом, не используя главный вход. Я точно знала, что там никого нет. Это было излюбленным местом для нас с Аннет, и сейчас туда входили только я и миссис Хипкинс, чтобы полить цветы и гигантские фикусы в горшках, которые точно были в разы старше нас с сестрой. Сердце стучало как ошалелое, холодный воздух пробирался под одежду, а горло сдавливали хрипы. Используя тайную тропку Фрэда, которая слегка виляла по нашему саду мимо старого коренастого дуба в самом его сердце, минуя декоративные фонтаны я нырнула в небольшое отверстие в ограждении. Ещё когда-то давно мой старший брат показал этот лаз нам с Аннет, и мы даже клялись на крови, что никогда и никому не расскажем об этом. Фрэд любил улизнуть ночью куда-то по своим делам используя этот ход, я часто думала, а что если и Аннет в тот последний вечер воспользовалась им? А что если он привёл её в потусторонний мир? Или параллельную вселенную? И сейчас она бежит рядом со мной, только в другом измерении, тогда я должна ей улыбнуться, чтобы дать понять, что я знаю о том, что она рядом. Все эти мысли роились в моей голове пока я на всех порах неслась в особняк миссис О`Брайн.

Оказавшись на территории знакомого мне с детства владения, я тут же бросилась на задний двор, оттуда закат и все краски неба были как на ладони.

– Мария! – Окликнула меня хозяйка дома. – Здравствуй, дитя! – Мелинда знала зачем я здесь и уже спешила ко мне с тёплым пледом и старым поржавевшим ключом на небольшой медной цепочке.

Мы обнялись, я бросила сумку с альбомом и красками на деревянный пол веранды, половицы скрипели под нашими шагами, но мне казалось, что из-за моих мыслей всё вокруг гудело, и громче всех был закат. Он шумел как старое радио, как газонокосилка под окном рано утром, как надоедливый будильник, он звал меня, приковывая взор к буйным краскам от золотисто-красного до переливчатого пурпурного, а где-то там он плавно переходил в ночь встречая «хозяйку-ночь» тонкой фиолетовой стружкой неба.

Миссис О`Брайн повернула старый железный ключ в дверях деревянной пристройки на заднем дворе, где хранились мои инструменты. Дверь скрипнула, я нырнула в тёмную комнату с затхлым запахом, перемешанным с медовым ароматом акварели. Мои холсты ожидали здесь в темноте, словно гонимые с праздника жизни, ненужные, неважные они были лишены дневного света, увидев их я на секунду замерла, тонкая полоска света остановилась на одном

из холстов, это был осенний пейзаж лужайки миссис О`Браян. Багряный, золотой, янтарный цвета глядели на меня умоляя выпустить их на свободу, но я не могла. Отведя взгляд, я взяла пустое полотно и палитру.

– Я сделаю тебе чай, – любезно предложила Мелинда. Я улыбнулась, со всем необходимым я вернулась на веранду, где уже совсем привычным образом меня приветствовал безмолвный зимний пейзаж, тонкие ветви деревьев, ещё не покрытые зелёной листвой, а также две двухсотлетние ели рядом с пристройкой. Усевшись на старый деревянный шезлонг и поставив перед собой холст, я принялась разводить краски на палитре, чтобы получить необходимые цвета. Сначала я открыла свой альбом и немного прикинула для разминки, что буду рисовать, экспрессивно и со страстью я размазала на белом листе красный и синий, соединив их где-то по середине, и получив желаемое я принялась рисовать. Закат дразнился постепенно, передвигаясь навстречу ночи, меняя и сгущая цвета, я рисовала быстро, практически не давая акварели подсохнуть. Нельзя было терять ни секунды. Сейчас всё закончится. Я не дышала. Времени и пространства не существовало. Я больше не чувствовала ту зияющую пустоту в сердце. Сейчас всё было важно. Проблем не существовало, их не было рядом со мною и на этом холсте.

– Впечатляет, – знакомый голос появился из неоткуда. Я вздрогнула и напрягла плечи. Всё закончилось. Время пришло и наступила ночь. Мои руки, окоченевшие от холода, больше не слушались, я обессилено опустила кисти в воду. Замерев, чтобы насладиться полученным результатом я мысленно отметила, что добилась именно того результата, которого и ожидала. Но стоило мне лишь на секунду отвести взгляд, а затем мельком вновь посмотреть на полотно, я ужаснулась. Все было неровным, эксцентричным, слишком ярким и слишком блеклым одновременно. Я потеряла ту радость, которую испытывала в первые мгновения.

– Не говорите так, – я обернулась, увидев Доминика. Я совсем забыла, что теперь он живёт здесь. За прошедшую неделю в школе нам не удавалось перекинуться и парой слов, не то чтобы я очень хотела, просто отметила про себя, что в тот вечер, когда я указывала ему путь, мы говорили в последний раз.

Он подошёл ближе, на нём был объёмный вязанный кардиган чёрного цвета и клетчатая рубашка, не застёгнутая на две последние пуговицы, я смутилась осознав, что мой взгляд застыл на его адамовом яблоке. Светлая кожа очень контрастировала с оттенком одежды, глаза переливались в сумеречном свете. В тот момент, когда он опустился на свободный шезлонг рядом со мной, миссис О`Браян включила наружное освещение, и моё творение заиграло новыми красками.

– Я ещё никогда не видел такой экспрессии, – тихо сказал он, словно боялся, что я сбегу говори он громче. Я молча смотрела на его лицо, был ли он искренним?

– Это... просто мазня. – Не выдержав больше я резко встала и схватив ещё влажное полотно отнесла его в пристройку, закрыв за собой дверь на ключ. На подоконнике снаружи меня ждал давно остывший чай. В надежде, что он сохранил ещё хоть толику тепла я взяла чашку двумя руками, но ужаснулась, какой холодной она была.

– Давай я принесу тебе другой! – Мистер Гаррисон подбежал ко мне и схватился за чашку, накрыв мои ледяные руки своими горячими ладонями. Словно электрическим зарядом моё тело обдало жаром.

– Нет! – Выпалила я и отошла от него, всё так же держа кружку. – То есть, спасибо, не нужно...

Доминик ласкового улыбнулся и поежившись от порыва холодного мартовского ветра зарылся посильнее в свой кардиган.

– Прости, если чем-то расстроил тебя. – Он опустил глаза, а его ресницы дрожали от ветра.

Я осознала, что повела себя грубо и поспешила принести извинения.

– Благодарю вас за проявленную доброту. – Доминик вновь посмотрел на меня, я не знала, что выражал его взгляд, но мне хотелось всё больше смотреть в его глаза, их тепло согревало меня. – Боюсь, мне уже пора... – Неловко я стала собирать с пола краски, закрыв свой альбом я аккуратно уложила все в сумку.

– Я провожу тебя, – ответил он. Я застыла, не зная, как отреагировать, но какая-то незримая сила позади подталкивала меня к нему, сокращая расстояние между нами.

Попрощавшись с Мелиндой и вернув ей ключ мы не спеша пошли вниз по дорожке к моему дому.

– Вы не должны этого делать, – я оглядывалась, но на улице было ни души. В домах горел свет, я слышала шум телевизора и смеха, семьи ужинали за столом за просмотром передач и весело обсуждали увиденное. В нашей семье такого уже не будет, никогда, я с грустью представляла своё возвращение в этот грозный и холодный особняк, и молила Бога, только бы не столкнуться с ней.

– Всё в порядке, не мог же я позволить юной леди в такую пору идти домой одной, тем более за мной должок, за тот раз – я украдкой смотрела на него, когда он говорил, наблюдала как двигаются его губы и сменяется мимика лица. – Давно ты рисуешь?

Я поёжилась и осмотрелась, лишняя предосторожность никому не мешала.

– С тех пор как, – я замешкалась и остановилась, – вы, наверное, знаете уже? Слухи что ходят в школе, правдивы. – Доминик молча слушал меня. – Моя сестра Аннет пропала два года назад, с тех пор я начала рисовать. – Он смотрел на меня, внимая паузам между фразами. – Никто не говорит со мной о ней. Слово её не существовало. Когда я рисую, мне становится легче. – Смахнув слезу с щеки я продолжила. – Спасибо, что выслушали, дальше я пойду сама.

Мистер Гаррисон подошёл поближе и нахмурившись сказал то, чего я никак не ожидала, но была ему безмерно и искреннее благодарна.

– Ты можешь говорить со мной об этом, если тебе будет легче. – Он улыбнулся. – Я помню о нашей тайне. Ты можешь не бояться. А теперь беги скорее домой, ты ведь вся дрожишь.

И правда, моё тело дрожало от холода, но внутри пылал жар. Как же давно я не говорила о своих чувствах никому. Почему-то с ним было так легко. Может потому что он напоминал мне сестру?

– До свидания, Мария! – Он помахал мне, а я прибавила шагу и ещё раз осмотревшись вокруг, удостоверившись что никто не смотрит, прошмыгнула в отверстие в ограде.

Луна стояла высоко в ночном небе, ночь была ярко усыпана звёздами, но что-то подсказывало мне, что стоило ждать беды. Миновав фонтан в саду, я запрыгнула на бетонные ступени, которые вели к входу в зимний сад, я знала, что миссис Хипкинс не запирает его, возможно специально для меня. Поравнявшись с ещё одним искусственным фонтаном прямо у входа, я услышала голоса.

– Где её носит я спрашиваю?! – голос матери свирепствовал на прислуге. Дверь с размахом отворилась прямо перед моим носом.

Флорэнс. Моя мать. Мы не виделись, кажется, около недели. Дом был на столько велик, что нам и правда удавалось существовать в нём так, чтобы не пересекаться друг с другом. Я давно не видела её лица. Я помнила её холодной и непроницаемой. С тех пор как Аннет сбежала, мать перестала улыбаться, а сегодня её лицо было полно эмоций, от гнева её щеки горели, у глаз стало больше морщин, а рот вытянулся в тонкую полоску. Волосы были собраны в пучок, на ней было домашнее платье и дорогой халат с вышивкой, вот только наслаждаться тонкой работой у меня сейчас не получалось. И как всегда Флорэнс была в своих перчатках, она не расставалась с ними никогда, это было такой же загадкой для меня, как и поведение матери.

– Мария! – Содрогнувшись каждой клеточкой тела при звуке её голоса я не смела пошевеливаться. Она молча рассматривала меня, словно искала улики. И в какой-то момент её взгляд застыл на моей руке, в которой я держала сумку.

Мысленно я пыталась просканировать свой облик, чтобы понять, что заставило её остановиться и замолчать. Я прокручивала всё с момента как покинула дом, и тут я осознала. Фар-тук. Я забыла сегодня надеть его. И возможно где-то на моей одежде остались следы краски. Ужас пронзил моё сердце.

– Ты рисовала, – Флорэнс произнесла эти слова так, словно они были созвучны с «Ты убила человека». Именно с осуждающей интонацией она говорила это, я ожидала наказания, зная, что сердце этой женщины было холодным, я заплакала, подумав и том как сильно расстраивала её. Подойдя ко мне на несколько шагов и не смотря в глаза, она выхватила из моих рук сумку, начав трусить её, так что всё содержимое оказалось на холодном каменном полу. Альбом, как что-то само собой разумеющееся, упал и раскрылся перед её ногами, обнажая свои рисунки и мою душу.

Ненавистная улыбка исказила её лицо. Она схватила его и не в силах совладать с подступающей яростью бросила несчастную тетрадь в фонтан. Ледяная вода при свете фонаря размывала яркие краски с её страниц. Сегодняшний закат ещё раз показался на воде, помахав мне, и скрылся из виду, когда альбом бесшумно опустился на дно.

Я не могла оторвать взгляда от тетради, в которой хранила своё сердце. В тот момент какая-то частичка меня погибла. И спина моей сестры появившись на мгновение на его рисунках так же бесследно растворилась в пучине времени.

Дверь вновь захлопнулась передо мной, стёкла в зимнем саду задрожали. Свет погас. И я оказалась в темноте сама со своей болью. Не чувствуя холода, я залезла в фонтан и на ощупь пыталась отыскать свою душу.

Глава 4. Париж, 1950 год

Ветви магнолий обвивали парк Монсо словно настойчивая поклонница липнет к своему избраннику, и напористо, но с нежностью и некоторой наивностью вьётся вокруг его шеи, касается его лица подушечками пальцев и шепчет на ухо слова любви.

Весна стучала в каждое окошко и люди с восторгом и радостью впускали её в свои дома. Солнце украдкой проглядывало сквозь цветущие ветви деревьев, розовым облаком, меня встречала лукавая магнолия, белым пышным снегом были покрыты яблони, я остановилась под раскидистым деревом, укрытым цветением словно белым шёлковым покрывалом и залюбовалась.

Вдох. Сладкий аромат наполняет лёгкие. Выдох. Я закрыла глаза, а по щеке невольно скатилась слеза. Гейб. Мой милый Гейб. Нам с тобой никогда не суждено было вот так вместе прогуливаться вдоль парка, держать друг друга за руки, не боясь за свои жизни.

Мысли перенесли меня в ту ночь, когда мы виделись в последний раз. Он появился из ниоткуда как всегда спустя три месяца моих бессонных ночей полных тревог и переживаний за его жизнь. Гейб не был ранен, но лицо его выражало беспробудную усталость, хотя глаза улыбались, при виде меня. Я впорхнула в его объятия, а он обнял меня крепко прижимая к себе, и всё вдруг встало на свои места, каждая деталь стала такой естественной, такой правильной. Мы были половинками одного сердца. Он страстно целовал моё тело под звёздным небом, где-то вдаль мы слышали рокот пушки, сердце выстукивало бешенные ритмы, а мы задыхались в объятиях друг друга. Той ночью он сделал меня своей женой. Я поклялась любить его вечно и отдала ему всю себя, а он сделал тоже самое. Мы ещё не знали, что видим друг друга в последний раз. И наша радость поглощала всё вокруг, пока не наступил рассвет и я с тяжёлым сердцем отпустила его, он ещё раз поцеловал на прощанье мои губы, и я закрыла глаза, отпуская его. Слыша звук шуршащей листвы под его сапогами, я сдавливала рыдания, которые подступали к горлу. А когда шаги стихли дала волю эмоциям...

День в больнице протекал мирно, без особых происшествий. Две медсестры Катрина и Мишель как обычно обсуждали что-то очень интересное, выражая восторг яркой мимикой и заразительными смешками, пока я осматривала мальчика с поломанной ногой. Он не плакал, мужественно смотря на перелом. Его мать нервничала, и боль за ребёнка искажала её милое чуть пухловатое лицо. Причёска была испорчена, видимо она очень спешила, происшествие случилось на улице, когда ребёнок с друзьями играли в мяч, а она тем временем наводила утренний туалет или готовила завтрак, а затем услышала громкий плач за окном. Мальчишка тёр опухшие красные глаза, но не терял самообладания. Я омыла рану раствором и подготовила всё необходимое для наложения гипса, когда подошёл врач.

Катрина тем временем зашептала о какой-то девице, своей приятельнице. Отойдя от койки с мальчиком, чтобы взять кое-какие инструменты я стала невольной слушательницей очередной девчачьей сплетни. Впрочем, я не особо сопротивлялась, это помогало мне отвлечься от тревоги за собственную дочь, которая оставалась в данный момент с моей властной сестрой, которая уже, к сожалению, начала оказывать плохое влияние на её такой юный и незакаленный характер. Няня была мне не по карману, а без работы я задыхалась. Сидя дома весь день я то и дело буду вспоминать о тех самых, что выглядывают из-за угла, стоит о них только подумать, старых добрых временах.

Мальчику накладывали гипс, в глазах стояли слёзы, а мать тем временем держала его за плечи. Я смотрела на согнувшуюся над ногой ребёнка спину доктора и переносилась в военный госпиталь, слышала плач умирающих, мольбы о помощи и каменела от страха.

Мне вновь понадобилось отлучиться за инструментами, так что беседа двух подруг стала для меня утешением. В этот раз я была вся во внимании. Катрина рассказывала, что та самая её

подруга во время оккупации имела неплохой заработок, сопровождая разных военных на светских раутах, а сейчас она спуталась с коммунистами и родители больше не желают видеть её, узнав обо всём. Я слушала и представляла себе молодую добрую девушку, которая хотела зарабатывать денег для своей семьи, возможно ею двигало даже большее, информация. Каждый хватается за ниточку, которая может спасти его жизнь по-своему. Она использовала свою молодость и красоту как инструмент, а сейчас, должно быть ей уже нельзя выйти из игры. Катрина рассказывала о сказочных нарядах, которая её подруга носила во время оккупации, всегда элегантная и такая взрослая при полном параде. Почему-то после этих слов передо мною всплыло лицо Элли. Я осеклась. Не может быть, чтобы она промышляла чем-то подобным, мать бы не позволила. Следующая мысль поставила мои размышления в тупик, если бы наша мать знала об этом. Заметить новые наряды сестры было сложно, ведь и до войны она не знала недостатка в поклонниках, её часто приглашали на свидания. Доктор позвал меня, и я поспешила вернуться в реальный мир, отгоняя прочь неутешные мысли об Элизабет.

Домой бежала спешно, пропуская прохладный весенний воздух сквозь пальцы, чувствуя тревогу, мне хотелось скорей примчаться и обнять свою дочь, прижаться к ней всем телом, только так я могла отогнать прочь все сомнения.

Малышка сразу же бросилась в мои объятия, как только я перешагнула порог нашей квартиры. На лбу у меня выступила испарина, а дыхание сбилось. В коридоре сразу же показалась Элли, в красном шелковом платье с бретелью через одно плечо.

– Ты марафон пробежала, что ли? – Ехидно подметила она. Я воздержалась от ответа, Лори прижималась к моим ногам, пока я нежно гладила её по белокурой головке, не обращая внимания на сестру. Элизабет картинно вздохнула и вернулась в свою спальню, оттуда она вновь показалась, только в этот раз с огромным коричневым квадратом в руках. Она вынесла его в коридор, и я сразу же узнала тот сверток, что принес в прошлый раз мистер Бергер. Развернув его ко мне, я увидела прекрасный пейзаж, море плещется белой пеной разбиваясь о скалы прибрежной полосы, а одинокий маяк у его подножия застыл в ожидании корабля. Моё сердце ёкнуло. По спине пробежал холодок. На секунду мною овладела неведомая сила, она тянула меня вглубь этой нарисованной истории, что-то было слишком знакомым и близким. Прекрасные тёплые тона, солнце на закате катится медленно, склоняя голову за линию горизонта, сливаясь с морской пучиной.

– Не знаю куда повесить эту безвкусицу! – В нашу квартиру меня вернул всё тот же едкий тон старшей сестры, её замечание сделало мне больно. Ещё минуту назад меня несколько не ранили слова Элли, но это, не знаю, как объяснить свои чувства, этот её комментарий по-настоящему затронул меня.

– Картина бесподобна, можешь повесить её в нашей с Лори спальне. – Я была серьезна и полна решимости. Элизабет внимательно рассматривала моё лицо. Я не отводила взгляда. Что-то внутри неё боролось, поступить так как ей велят или же сделать как обычно – всё наоборот.

– Что ж, она твоя. – Сестра молча поставила картину у двери нашей с дочерью комнаты и нырнула в свою спальню, громко хлопнув дверью.

В этот момент я чувствовала себя победительницей. Нагнувшись я взяла Лори на руки и поцеловала в щёку.

– Мама, ты сегодня очень красивая. – Изрекла она. Я заволновалась. Ведь дети не лгут. Что-то во мне только что изменилось. Я смогла дать отпор сестре. И это отразилось на моей внешности. Позади раздался стук, а затем без посторонней помощи дверь отперлась и на пороге показался огромный букет белой сирени, завернутый в красивый коричневый пергамент с причудливым узором.

– Мадам, позвольте, не было сил больше ждать на вашей холодной лестничной клетке. – Джейкоб М. Бергер вошёл в наш дом как в свой собственный, я молча стояла на пороге, мы

оба оказались в слишком тесной ситуации, цветы между нами немного примялись, а я всё ещё не делала шагу назад, зачем-то разглядывая его лицо. Он был хорош собою, приятная улыбка, кожа чуть смуглая, на лице ни следа щетины, а глаза лучились добрым светом, что несомненно подстегивало, уверена именно этим взглядом он цеплял всех своих пассий, интересно, а Элли тоже купилась на него?

– Джейкоб! – Из комнаты тут же показалась Элизабет, быстрым шагом она поспешила к нам, схватив букет и затянувшись его ароматам как-то очень элегантно подтолкнула меня своим костлявым локтем в комнату.

Я не подала виду, что мне больно, а лишь наконец выйдя из транса очарования глаз Джейкоба двинулась в направлении своей спальни.

– Рад, был повидаться, мисс...

– Роза, – улыбнувшись ему в ответ, мы с Лори скрылись в своей комнате.

Картина весела напротив нашей кровати. Лори уснула после второго прочтения сказки на ночь, а меня напротив мучила бессонница.

Откуда мне знаком этот пейзаж? Я встала, чтобы поближе присмотреться. Крупные мазки мастерски отображали бурлящую воду, краски и полутона были подобраны безупречно, по крайней мере так казалось моему взору, ведь я совсем не разбиралась в живописи... Однажды в юности, в тот самый период, когда все гадают кем они будут в будущем, одним из моих увлечений стала живопись, узнав об этом мама стала водить меня на художественные выставки, а по выходным я и сама любила гулять по картинным галереям. И тут меня озарило. Подпись в правом нижнем углу – буква «М» с завитушками. Мишель Буайе. Занавески на окнах вдруг всколыхнулись, прохладный вечерний воздух освежил мои воспоминания. Я поспешила закрыть окно и поправить одеяло Лори. Вновь природа возвращала меня в прошлое. Ещё утром по дороге на работу она бросала меня в объятия моего любимого Гейба, а сейчас я вспоминала свою первую любовь. Он был гораздо старше меня, высокий, брюнет, его волосы всегда беспорядочно вились и спадали ему на лоб, глаза голубые как прозрачная гладь воды, которую он всегда рисовал. Мишель был маринистом. Именно его работы покупали чаще всего в галерее, но на роскошную жизнь ему всё же не хватало. Никто не спрашивает почему первая любовь стучится в двери, неизвестно как она выбирает человека, и никогда нельзя узнать наперёд о её сроке годности. Молодой художник пленил моё сердце своими работами, бурлящая пена с его полотен то и дело тревожила моё сердце. Я трепетала и замирала рядом с ним, приходя каждый день в течение месяца пока продолжалась выставка. Я наблюдала как он рисует и задавала вопросы, зачем он берет ту или иную кисть, как правильно накладывать цвета, откуда он берет все эти прекрасные пейзажи. Мишель никогда не возражал, что я прихожу, но однажды он всё же сказал мне, что не хочет ранить такое юное сердце, ведь мы не подходим друг другу. Не в силах сдерживать эмоции я бросилась прочь. Прорыдав всю ночь в подушку, я решила, что больше никогда не заинтересуюсь живописью, а дальше были другие юношеские увлечения. Сейчас спустя столько лет я впервые вспомнила об этом. Мне стало тепло и трепетно. Как же всё-таки наша юность пылка и неосторожна, но притягательна и незабываема. Сколько всего ранее было способно выдерживать наше сердце и отчего же теперь мы так слабы?

Глава 5. Мария

Западная Вирджиния, 1986 год Дополнительные занятия

По ночам я слышала шорохи, старый дом скрипел, каждая половица, каждая щелочка в окне завывала. Я слышала песню прошлого. Сколько тайн хранил этот старинный особняк, сколько боли в моём сердце он помнил. То, что было в его стенах навсегда, словно на страницах книги, останется здесь. Комнаты и залы напоминали мне темницу, серыми красками был окружен каждый лоскуток, каждая деталь, которая наполняла его. Делая содержание слишком избыточным, меня всегда бросало в дрожь от этих старинных картин, с которых как замороженные на меня глядели прадеды и прабабушки. Они смотрели на меня осуждающе, зная о чём думает моё сердце. Они знали о моей страсти к рисованию и осуждали меня сильнее, чем я сама.

Бродить по дому для меня было единственным развлечением, в качестве наказания за мой побег я сидела дома взаперти уже полных три дня. У меня отобрали тетради и ручки, опасаясь, что я примусь рисовать. Они отобрали оружие у хладнокровной убийцы. Вот так это выглядело со стороны. Прислуга общалась со мной шепотом, миссис Хипкинс внимательно следила за каждым моим шагом, чтобы я ненароком, покинув свою комнату вновь не надумала сбежать. В собственном доме я чувствовала себя пленницей.

А что касается Флорэнс, то я не видела её с того самого вечера. По ночам я слышала шаги, и замирая не в силах пошевелиться я всё гадала, была ли это мама? Или же Аннет украдкой пришла чтобы навестить меня? Эти мысли не давали мне покоя. Комната по соседству была заперта. Уже долгое время туда никто не входил, оттуда не доносился заливиный смех сестры. Вот только эти шаги всегда останавливались у её двери. И кажется я чувствовала, что это была мама. Я не могла ненавидеть её, но и понять тоже. За что она так поступает со мной? Почему притворяется черствой и делает вид будто Аннет никогда не существовало, а сама ночью украдкой приходит, словно преступник, к её двери. И стоит там подолгу. Я лежу не шевелясь, боясь спугнуть её.

Всё вокруг было чёрным, серым, тёмно-фиолетовым, когда я смотрела по сторонам, стены пугали меня, а мрачные бесконечные двери сводили с ума. Когда же они откроются? Неужели для меня в этом доме навсегда все двери будут заперты?

Но больше всего меня страшила дверь у восточной стены на первом этаже, грозная, старинная, слишком тяжелая дубовая дверь скрывала от моего взора что-то очень важное. Эта дверь никогда не была открыта. Она словно сердце Флорэнс – то самое место, в котором, мне казалось, она хранила что-то важное, и где для нас просто не было места. Что-то, что могло бы стать её погибелью, её ахиллесова пята.

Каждый раз проходя мимо меня пробирал озноб, направляясь в кабинет отца мне приходилось миновать эту гору, а в детстве мне даже казалось, что я слышу шорохи из-за двери.

Тем утром я стояла напротив, держа поднос со свежим выжатым соком и булочкой с корицей, любимым лакомством отца, я знала, что он вернулся рано утром из командировки и теперь в этом доме появится немного света и тепла, которым всегда был окружен мой отец. Мне хотелось как можно быстрее поприветствовать его, что-то внутри оживало, и даже стены вокруг меня меняли цвет. Вот золотой и нежно-розовый смотрели на меня из-за угла, где начиналась гостиная, а вот оранжевый, мой любимый абрикосовый оттенок обрамляли ту самую дверь, которая к слову, теперь не выглядела такой уж мрачной. Дуб местами потерялся, а кое-где блестящие его части переливались, хватая моё отражение. Неожиданно для себя я осознала, что сегодня будет хороший день.

Услышав голос отца из-за двери я как в детстве привычно пискнула во весь голос.

– Папочка! – Постучав в дверь его кабинета и не дожидаясь, когда же он отворит я аккуратно вошла, крадясь, словно воришка, отец стоял спиной ко мне и разговаривал по телефону.

Моя любимая спина. Поставив поднос на стол, я подошла и обняла его, крепко прижавшись к родному человеку я вновь почувствовала себя живой. Как же давно я не ощущала тепла другого человека.

Отец положил трубку телефона и радостно заключил меня в объятиях.

– Бусинка! Как я рад тебя видеть! – Бусинка. Моё ласковое прозвище из детства. Я словно перенеслась на десять лет назад, когда мы все были вместе. – Как вы тут? С мамой не ругаетесь? – Я улыбнулась и замахала головой.

– Нет, нет – я не искала тут поддержки, обвинения в адрес матери казались мне недостойными, и говорить отцу о том, что произошло я не собиралась. – С днём Рождения, папочка! – Обняв его ещё сильнее я не смогла больше сдерживать слёз радости. С днём Рождения. Искренне. Будь счастлив, здоров, просто будь всегда со мной.

В доме стало громче обычного, я услышала голоса и смех.

– Фредерик! Марго! – Улыбнувшись отцу, я что было сил побежала на встречу своим брату и сестре.

В холле уже радостно щебетала прислуга вокруг только что прибывших, я не могла сдерживать своих чувств и что было сил набросилась на брата, споткнувшись о его чемодан и упав прям в объятия изумлённого Фрэда.

– Мари! Ну здравствуй! – Фред ответил мне той же искренней улыбкой, словно само солнце впорхнуло в наш дом сделав его ещё светлее, как же сильно он был похож на отца, слишком добрые и красивые глаза, такой же силуэт – свет и тепло.

– Кхм! – Как всегда, саркастичный кашель старшей сестры. Марго с детства была слишком неприступной, чем напоминала мне мать, хотя внешне была женской версией отца и Фредерика. Я отпустила брата и повернулась к ней.

– Я так рада! – Пытаясь выглядеть как можно более непринуждённо выпалила я сестре. Я любила Марго и уважала её, как только мог любить ребёнок старшего по отношению к нему члена семьи. В свои двадцать четыре года она многого добилась, родители гордились ею, а тот образ, который она себе создала, ведь я была уверена, что на самом деле она такая же тёплая, как и Фред, придавал её облику незримых лет.

Забывшись от радости, я не заметила, как в холл вошла Флорэнс. Сегодня она была не в своём привычном шелковом халате с ручной вышивкой, а, пожалуй, в лучшем платье из своего гардероба, тёмно-синий бархат притягивал взор оттеняя тонкую светлую шею моей матери, тонкие бретели уверенно поддерживали упругий бюст, а пара высоких перчаток того же оттенка дополняла её, как небо и луна. Уверена, она так старалась ради отца.

Её лицо озарила дежурная королевская улыбка, меня всегда поражало это её умение улыбаться лишь уголками губ, в то время как глаза оставались неподвижными.

Она не смотрела на меня. Я вдруг почувствовала себя слишком крохотной и неважной. Флорэнс обняла Фрэда и Марго сухими объятиями, словно для галочки. В руках отца я всегда чувствовала любовь, а вот мамины объятия – это совсем другое. Нечто, что нужно заслужить, она сама решает сколько тепла может отдать, и сколько любви ты можешь получить.

Наш дом наполнялся смехом, теплом, уютом, с приездом брата и сестры, пусть ненадолго, мне вдруг стало легче. Я не думала обо всём произошедшем, счастливая находиться в кругу семьи, долгожданный семейный обед.

– Как дела в больнице, дорогой? – Хоть Флорэнс и не выдавала своих эмоций в голосе, я чувствовала через весь стол её влечение к отцу, всё выдавало её, то как сильно она тосковала по нему, то как необычайно блестела сегодня её кожа, то как нежно она двигала запястьями разрезая сочный стейк.

– Всё прекрасно, я сумел добиться инвестирования, и теперь мы начинаем строительство нового корпуса. Целое травматологическое отделение, вы можете себе такое представить? Первое в городе! – Отец был горд, я радовалась его успехам, но одновременно чувствовала в душе укор. Они все, кроме Флорэнс, были успешными врачами, а я нет. Я никогда не хотела стать доктором, и осознание того, что этого требовало положение семьи меня сильно тяготило. У меня не было таких способностей к учебе как у брата или сестры. Я все делала из-под указки, и сейчас вполне закономерно ожидала того самого вопроса в свою сторону.

– Как дела в школе, Бусинка? – Отец смотрел мне прямо в глаза, тогда как я чувствовала тяжёлый взгляд матери на себе. Открыв рот, чтобы ответить, меня грубо перебили.

– Мария болела три дня, поэтому пропустила несколько занятий. – Пицца застряла у меня в горле. Фрэд и Марго молча смотрели на меня. Отец всё ещё ожидал ответа от меня, а Флорэнс продолжила мягко работать кистями.

– Да что вы набросились на малышку? – Брат как в старые добрые времена бросил мне спасательный круг, отчего я смогла проглотить застрявший в горле кусок мяса. – Сегодня ведь твой день Рождения, так давайте веселиться! – Фрэд поднял свой стакан сока и подмигнул отцу.

– Никакого алкоголя до вечера, – отрезала мать.

– Знаю, знаю, это сок! – Словно маленький ребёнок брат закатил глаза, чем сумел растопить лёд за столом.

– Однажды ты станешь главой больницы, Фрэдрик. – Совершенно серьёзно сказал отец. Брат на мгновение застыл, а затем перевёл взгляд на Марго.

Сама серьёзность и непроницаемость её ауры вдруг как-то наклонилась, словно там показалось что-то ещё, детское наитие или даже ревность.

– Отец, а как же я? Ведь я старшая! – Вдруг, неожиданно для всех нас спросила она. Пытаясь казаться такой взрослой, Маргарита не сумела никого убедить этой фразой, ведь звучала она совсем по-детски.

Глядя на них сейчас, я понимала, как же сильно мне не хватало моей семьи.

Миссис Хипкинс подошла к моей матери и что-то прошептала ей на ухо.

– Что ж, пригласите его. – Я слышала голоса и шаги в холе. Звук приближался, миссис Хипкинс отворила дверь в зал и на пороге оказался мистер Гаррисон. Он поприветствовал всех и извинился за беспокойство.

Отчего—то я почувствовала смущение и на секунду мне захотелось спрятаться под стол. Но вовремя опомнившись я всё же заставила себя посмотреть Доминику в глаза. Встретившись с ним взглядом, я поспешила отвести взгляд, ведь моё сердце так непривычно заходило в бешеном темпе.

– Вашей дочери не было в школе, а связаться с вами у меня не получилось. Мне сказали вы заняты. – Совершенно вежливо начал учитель, глядя на мою мать. Видимо изумлённый, что в обеденное время можно увидеть в нашем захолустном пригороде даму в столь шикарном вечернем наряде. – Я новый классный руководитель Марии, и принёс кое-какие материалы для неё.

– Очень странно, что учитель сам заносит домашнее задание. – Мать даже не смотрела в его сторону, я почувствовала всю грубость и колкость её замечания, но заступиться не смела. К слову я даже пошевелиться не могла, стараясь стать невидимой, раствориться, сгорая от стыда, представляя, что он мог подумать о нашей семейке.

– Я живу здесь неподалёку, мне это не составило труда. – Ответив всё той же вежливостью на колкость, Доминику удалось растопить сердце моего отца.

– Может быть отобедаете с нами, мистер? – Отец любезно встал и указал на свободное место около меня, место где раньше сидела Аннет.

– Гаррисон, сэр, Доминик Гаррисон. – Поспешив дополнить фразу он слегка волнуясь поправил галстук, – не смею вас отвлекать.

Небо сегодня висело над полями спелыми синими гроздьями винограда, оно стремилось к земле и вот-вот, обрушившись, польёт. За окном раздался раскат грома и полило как из ведра, я посмотрела в окно, всё вокруг было размыто, лёгкая полупрозрачная зелень на деревьях утопала в раскатах весеннего дождя.

– Пожалуй, я приму ваше приглашение. – Улыбнулся Доминик и отдав своё пальто миссис Хипкинс направился прямо ко мне.

Моё сердце стало выдавать бешенные ритмы, а дыхание стало затруднительным.

– Эй, тебе же не понадобится искусственное дыхание? – Засмеялся Фрэд, увидев мою реакцию. Но кажется пошутив, он не совсем остался доволен, увидев, как я ещё больше залилась краской.

Доминик сел рядом, ему тут же подали приборы и предложили напитки на выбор. Я чувствовала его тепло рядом, как когда-то здесь сидела моя любимая сестра, и мы перешёптывались, смеялись за обедом, теперь это место занял он, и сама, не осознавая того, я была по-настоящему счастлива этому внезапному проявлению магушки природы. Пожалуйста, дождь, не заканчивайся.

– Мистер Гаррисон, какой предмет вы преподаёте? – Поинтересовался мой отец.

– Биологию, сэр. – От звука его голоса совсем рядом мои уши горели, и я не в силах была слушать о чём они говорили. Пока моё смущенное забвение не прервала Марго.

– Ты слушаешь? Мари! – Не сдержалась сестра. Я вздрогнула и удивленно посмотрела на молчаливого отца, а затем перевела взгляд на мистера Гаррисона.

– Твой учитель любезно согласился на дополнительные занятия с тобой, ведь ты пропустила несколько дней. – От слов отца у меня расшились глаза.

– Боюсь, что мне не совсем удобно, – начал Доминик, я заволновалась, происходящее никак не прояснялось, – у меня дома довольно много дополнительных материалов, а также все наглядные пособия, думаю если Мария согласится прийти ко мне, от этого было бы больше пользы.

– К вам домой, простите? – Бровь Флорэнс как-то само собой поползла вверх.

– Что вы, это дом миссис О`Брайн, мы будем заниматься в общей комнате. – Доминик не смотрел на меня, сейчас он держал зрительный контакт с моей матерью.

За окном вновь прогремело, я поёжилась. Что-то странное происходило в этот момент на лице Флорэнс.

С одной стороны, она сама сказала отцу, что я пропустила занятия в школе и теперь было бы странно запретить мне позаниматься дополнительно, вот только мы с ней знали, чем это могло обернуться, а признаться вслух не могли. И сейчас ей нужно было сохранить лицо.

– Что ж, думаю, идея не так плоха. – Ответила наконец она под очередной раскат грома. Я улыбнулась. Кажется, наконец разгадав, что задумал Доминик.

Но какой бы ни была причина, моё сердце вдруг наполнилось жизнью, при мысли о том, что мне удастся вырваться из этого дома краски вокруг меня, стали ярче.

Глава 6. Мария

Западная Вирджиния, 1986 год Флорэнс

Я никогда не видела Флорэнс без пары перчаток, как незримый оберег они следовали за ней повсюду.

Незамысловатый аксессуар всегда подходил одежде, мама имела столько пар, что мне, ещё маленькой девочке, их было не счесть. Флорэнс выглядела элегантно, одевалась по моде, некоторые её наряды были из коллекций мировых кутюрье, а перчатки дополняли элегантный образ.

Говорить об этом – табу. Задавать вопросы – строжайший запрет.

«Просто мама любит носить перчатки» – рассуждали мы с Аннет. Она не помогала нам с купанием и никогда не снимала перчаток, даже если шёл дождь. Старшие об этом молчали, делая вид, что так и должно быть, при этом никто из нас перчаток не носил.

Происходить из семьи медиков – значит с детства слышать странные названия различных болезней, создавать случайные образы из причудливых латинских названий в своих детских фантазиях, пытаясь догадаться, что же это такое. Нам с сестрой много раз приходила в голову мысль, что перчатками мама скрывала какую-то страшную болезнь, но стоило нам заикнуться об этом, как Марго или Фрэд тут же одёргивали нас, добавляя «не повторяйте наших ошибок».

Отсюда мы сделали вывод, что мать была слишком впечатлительной и одновременно замкнутой личностью. Никогда не стоило задавать вопросов, которые выходили бы за пределы её образа, того, который она сама создала. Придумала себя, отгачивая годами мастерство держаться на людях, быть совершенной во всём, включая этот маленький аксессуар. Перчатки стали частью её самой.

Однажды, будучи в возрасте лет семи, я увидела, как миссис Хипкинс, доставая из духовки лазанью, случайно коснулась запястьем о край раскалённой керамической формы. Она завывала от боли, но всё же поставила блюдо на стол, дабы не лишать нас обеда, а после сразу же опустила руку под кран с холодной водой. Я была очень взволнованна. Подойдя ближе, я увидела, что кожа в том месте, где она обожглась, покраснела.

«Будет ожог» – вздохнула она, вытирая краем своего белоснежного передника слёзы. Той ночью мне не спаслось. Я подумала, а что если и у мамы на руках были ожоги? Кто или что оставило их там? От этой мысли долго не могла уснуть.

Возбужденная новой идеей, я едва ли могла дождаться утра, чтобы спросить у кого-нибудь, верны ли мои догадки. С первыми петухами я накинула свой домашний халат и бросилась что было сил вниз по ступеням, в холл, где уже прибиралась миссис Хипкинс, она вытирала пыль с подоконников, и я заметила, что рука, которую она вчера поранила, была замотана белым шарфом. Всё сходится, промелькнуло в моей голове.

– Юная леди, вы так рано встали? Будете завтракать? – Удивилась дама.

– Вам больно? Скажите, вам очень больно? – Я подошла к ней и взяла за руку, вглядываясь в её глаза, отчаянно пытаясь увидеть ответ на свой дальнейший вопрос.

– У моей мамы тоже так было? И сейчас ей больно?

Глаза миссис Хипкинс удивлённо расширились.

– Небольшой отек мисс, не беспокойтесь. – Быстро ответила она.

– Доброе утро, мадам. – Домработница перевела взгляд, и я поспешно обернулась.

– Мама, доброе утро. – Постаралась улыбнуться я как можно более непринуждённо, но сердце уже билось от страха.

Она молча остановилась рядом с нами, я уловила нежный аромат её духов, рано утром от неё пахло розами, кожа блестела в слабом свете утренней дымки. Я затаила дыхание, а миссис Хипкинс продолжила вытирать пылинки с подоконника, переставляя горшки с цветами.

– Сегодня тебе, дружок, нужно больше солнечного света – говорила она шепотом – а ты, отдыхай в тени.

Мама жестом позвала меня за собой. На дворе стояло летнее утро. Матушка природа ещё не успела разомкнуть свои глаза, каждая травинка спала, видя сладкие утренние сны. Изящно, словно по волшебству, мама отворила двери, я засмотрелась на неё, тонкая материя скрывала кожу рук, храня их тайну. Когда мы вышли на террасу, в воздухе пахло мокрой землёй, а искусственный фонтан негромко плескался рядом, упавшие ночью в его владения насекомые, бездушно вращались по кругу в вечном водовороте их загробной жизни. Я боялась, что-либо сказать. Держась позади Флорэнс, я внимательно всматривалась в её спину, тонкий шёлковый халат струился вдоль её тела, а каштановые волосы спадали почти до поясницы. Без сомнения, она была самой прекрасной женщиной, которую я, когда-либо видела. И мне до безумия хотелось вырасти такой же, как она. Мама остановилась, я тоже.

– Мария, я хочу, чтобы ты перестала гадать, словно маленький Шерлок, что скрывает твоя мама. Это невежливо и совсем тебе не идёт. – Флорэнс говорила неспешно, смотря куда-то перед собой, на её волосах уже заиграли первые лучи утреннего солнца, изменяя их оттенок почти, что до золотого, заставляя цвет искриться. – Ты ведь хочешь вырасти красивой девочкой и удачно выйти замуж? – Неожиданно для меня она задала вопрос и обернулась, я застыла под взглядом её густо наполненных зеленью глаз.

– Да, мама. Прости. – Ответила я. Но вопрос всё ещё висел в воздухе. В конце фразы я вновь открыла рот, а Флорэнс сузила глаза.

– Говори, – сказала она сухо. – Иначе ты не успокоишься.

– Тебе больно, мама? – Её глаза расширились, я редко видела что-то подобное на её лице, и уж тем более я не понимала, что застала маму своим вопросом врасплох. Она часто заморгала, а затем прижала ладони к груди. Глаза её наполнились слезами, а всё её естество вдруг так неожиданно задрожало. С минуту она смотрела на меня и молчала. Я паниковала, пытаюсь разобраться в её чувствах. – Мама? – Позвала я. Флорэнс опустила глаза и быстро прошествовала мимо меня, я почувствовала, как тонкий шёлк касается моей щеки, а затем услышала звук запирающейся двери. Она ушла, оставив шлейф из роз, оставив меня без ответа, но этим жестом навсегда дала понять, что дело не в перчатках, которые она носит, сам вопрос причиняет ей страдания.

Мама чувствовала боль. Я не должна заставлять её страдать, и больше я не буду спрашивать её об этом. Никогда.

Ещё одна удивительная деталь о моей матери, подробности которой она так же не стремилась озвучивать, состояла в её переписке с дедом.

Меня удивлял тот факт, что они не разговаривали по телефону, не виделись уже много лет, но переписка продолжалась. Словно только бумаге они могли доверить свои чувства.

В нашей семье принято умалчивать о многих неугодных для Флорэнс вещах, такова уж её природа. Она – это образ, заточенный под идеал, и наша задача всячески ей подыгрывать.

Я мало что знала о её отношениях с матерью, Фрэд и Марго конечно больше помнили о бабушке. Старшие рассказывали, мамина семья переехала в Америку из Парижа по окончании Второй Мировой Войны. Точнее сказать бабушка с мамой переехали вдвоём, а её отец, дедушка, приезжал раз в год на мамин день Рождения, привозя ей всегда какие-то необыкновенные подарки, произведения искусства или редкие книги, но никогда он не оставался дольше, чем на два дня. Фрэд предположил, что отношения между бабушкой и дедушкой не клеились, возможно из-за того, что он был привязан к своей политической карьере во Франции, а Марго добавляла, что это была неразделанная любовь, которую бабушка, к сожалению,

так и не смогла пережить. После того, как Флорэнс вышла замуж и поселилась в этом доме вместе с моим отцом, бабушка начала злоупотреблять алкоголем, через некоторое время она заперлась в своей комнате и практически не выходила. Её не волновала ни Флорэнс, ни её внуки, а маму же поначалу беспокоило её состояние, но вскоре она оставила её в покое. Ей хватало забот о её собственных детях, Аннет тогда сильно болела, к сожалению здоровье у сестры было слабым, и Флорэнс приходилось много времени проводить у её постели. В то самое нелёгкое время, когда мне было лет пять, я видела дедушку в последний раз. Он прилетел как всегда на два дня в день маминого рождения, привез ей в подарок странный сверток, который мама нам не показала, помню, что, лишь взглянув на него украдкой она крепко прижала тот к груди и унеслась с ним в спальню.

Дедушка был очень добр ко всем нам. Чего скрывать – мы все с нетерпением ожидали его приезда каждый год, для старшей Марго он часто привозил одежду, что-то по последней моде Парижа, для Фрэда – книги по медицине с переводом, а для нас – милые безделушки.

В тот день дедушка отправился в спальню к затворнице, бабушка громко кричала и разбивала какие-то предметы швыряя те о стены, дед тогда вышел раненный, его бровь сочилась кровью. Всю ночь он проговорил с Флорэнс, а на утро улетел и больше мы никогда его не видели. Вот тогда и началась эта переписка. Письма приходили не часто, но с некоторой регулярностью. Флорэнс никому не рассказывала о предмете их разговоров.

Именно в то время появилась тайная комната моей матери. Мы догадывались, что в ней хранилось нечто из маминого прошлого, возможно, что-то что могло бы пролить свет на нелёгкие отношения её родителей в прошлом. Но мама упорно не давала нам проникнуть в её загадочное полное тайны место.

Вследствие той переписки мать совсем охладела к бабушке, та же совсем не выходила из комнаты, а если такое случалось, Фрэд говорил, что однажды наткнулся на бабушку, она его не узнала, и с тех пор к ней была представлена сиделка. А пять лет назад бабушки не стало. Никто не говорил о ней, так просила Флорэнс.

Отец повиновался всем её прихотям, но всё же попытался нам детям объяснить случившееся.

– Есть кое-что, что ваша мама не смогла простить её собственной матери. Поверьте, ей очень больно от этого, эта печаль съедает её изнутри.

– Что мы можем сделать? – Фрэд почти плакал тогда.

– Быть терпеливыми. И любить.

Глава 7. Париж, 1950 год

Частная художественная галерея Дамаск, Champ de Mars.

Галерист смотрел на меня с некоторым интересом.

– Вы хотели бы купить Картину Мишеля? – Я вздохнула.

– Нет, знаю, что это выглядит странно, я просто хотела узнать где он сейчас, чтобы справиться о его делах и здоровье... – Его лицо побелело.

– Мишель умер. – Изрёк он.

Ответ галериста меня шокировал. Не знаю, чего я ожидала, придя сюда в поисках Мишеля, что именно я хотела получить здесь. Теперь это всё казалось совершенно пустым и неважным.

Художник откашлялся.

– Мадам, возможно я могу вам помочь вместо него?

С минуту я поразмышляла. В принципе не было ни одной причины по которой с этим вопросом я могла обратиться именно к Мишелю Буайе, возможно мне просто хотелось увидеть старого знакомого и воскресить воспоминания о мирной жизни до войны.

– Раннее моей сестре посчастливилось получить в подарок одну из его работ «Закат на маяке», которая привела меня сюда.

Галерист почесал свой затылок.

– Это последнее произведение Мишеля, его жена выставила картину несколько месяцев назад, она была куплена достаточно быстро. – Я вздохнула. Последнее произведение, звучало слишком удручающе. Поблагодарив мужчину, я поспешила удалиться.

Смерть Мишеля потрясла меня, на войне такое происходило сплошь и рядом, но сейчас, живя в мирное время, это всё ещё тревожило и шокировало меня. Мною овладело желание начать что-то новое, взять жизнь в свои руки, я взглянула на ладони.

Могу ли я создать что-то новое? Могу ли я всё изменить?

На прошлой неделе я уже попыталась измениться, забрав картину у Элли, в глубине души я чувствовала маленькую победу, раньше мне никогда не удавалось дать сестре отпор, пусть это что-то такое незначительное. Но с тех пор в моей душе зажегся огонек, он то и дело крепчал, разгоняя серые и печальные тени ото всюду. Я смирилась с тем, что осталась одна, сердце моё горевало по Гейбу, война беспощадна, и до конца жизни мне не исцелиться, но всё же, я могла бы прожить с улыбкой осознавая, что всё было не зря, ведь у меня есть то, до чего беспощадная кровопийца не смогла добраться – моя дочка, плод нашей любви. И ради неё я хочу быть счастливой и сильной женщиной, вести её по жизни с гордо поднятой головой, научить её преодолевать все трудности на жизненном пути.

С улыбкой и сердцем полным надежд я спешила домой, ведь время уже перевалило за полдень, а значит скоро Элизабет вновь отправится в неизвестном направлении с очередным ухажером, к слову, с Джейкобом они не виделись ещё с прошлой недели.

Парк Монсо радовал глаз, с каждым днём становясь всё зеленее, парочки ели мороженое в тени, на лавочках мило общались две старушки, обе с сединою в волосах, а кожа тонкая и морщинистая, обтягивает череп. Я представила лишь на мгновение нас с Элли, сидящих через многие года вот так на этом самом месте, и мило болтающих о детях, внуках... Сердце екнуло. Что-то тревожило меня. Я не могла спросить сестру на прямую, куда она ходит каждый день, откуда знает всех этих мужчин. Мне бы очень хотелось пройти с нею через все невзгоды вместе, но ведь она меня не подпускала.

Дома меня ожидал сюрприз. Сначала я просто не узнала нашу квартиру. В прихожей меня встретила радостная Лори, на её волосах был венок из свежих цветов, белые розы, лилии, сирень. Квартира благоухала.

– Что здесь происходит? – Спросила я дочку.

– Мамочка смотри сколько цветов получила тётя Элли! – Радостно залепетала малышка. Вокруг громоздились высокие фарфоровые вазы, которых я что-то не припоминала в нашем доме, до моего ухода сегодня утром, а среди всего этого благоухающего розария, я увидела небольшую картонную коробку белого цвета, перевязанную красной лентой. Я нагнулась чтобы достать листок, который был спрятан под бантом, перевернув его я замерла в удивлении увидев своё имя, выведенное красивым почерком.

– Как тебе всё это? – Из комнаты показалась Элизабет при полном параде, она как балерина кружилась между ваз с цветами притрагиваясь к лепесткам и вдыхая аромат полной грудью.

– Кажется твой день Рождения зимой? – Спросила я, держа листовку.

Сестра поморщила свой напудренный носик и подошла ко мне.

– Вчера у меня было выступление в одном клубе на Монмартре, публику поразило моё пение до глубины души, а это их благодарность – сестра улыбнулась совершенно искренне, а затем взглянула на меня с интересом.

– Что это у тебя?

Инстинктивно я поспешила спрятать листовку в карман платья, но было поздно. Тонкие пальцы Элли ловко выхватили листик прямо из кармана.

– Роза? Они что-то перепутали, видимо – Она скривила своё милое личико, а брови её удивленно расплылись в две тоненькие черные дуги.

– Это ведь не может быть для тебя? – Раздраженным голосом спросила она, указывая на коробку, стоящую у входа между двух голубых ваз с белыми лилиями. Я пожала плечами.

С минуту мы стояли молча, Лори тем временем вытащила несколько цветков из вазы на кухне и принялась делать ещё один венок.

– Интересно, от кого? – Саркастичная улыбка сестры устрасала. Она нагнулась и подхватила коробку.

– Взглянем. – Я не успела и слова проронить как Элли уже неслась с моей посылкой в свою спальню, я ринулась за ней. Она поставила коробку на не застеленную постель, где валялись её вещи, комбинации, шелковые накидки, нижнее бельё высшего качества, чулки и подвязки, разглядывая все эти вещи у меня создавалось очень сомнительное представление о том, чем таким занималась сестра. Элли потянула красную ленту и открыла коробку. Мы обе замерли. Нежным голубым облаком из шелка и драгоценных камней на нас глядело платье. Элизабет тут же вытащила его из оков картона и приложила к себе, платье было ниже колен, приталенное с вырезом лодочка. Оно несомненно шло ей. Глаза сестры пылали ярким светом. Я взглянула на дно коробки и увидела ещё одну листовку: *«Счастлив узнать ваше имя, Роза. Д. М. Бергер»*.

Сестра не обратила внимания на меня, она внимательно изучала себя в зеркале, пританцовывая с платьем в обнимку. Что-то внутри меня хотело повиноваться ей, отдать его без боя. Просто скрыть истинного владельца. На пороге показалась Лори с новым венком из лилий в руках.

– Мама, это тебе! – Она радостно несла его мне в руки.

– Нет, его нужно носить на голове. – Я послушно присела на кровать, а дочь надела его мне на голову.

– Ну как? – Спросила я, а сердце моё бешено колотилось.

– Ты очень красивая! – Лори искренне мне улыбнулась, я обняла её крепко и поцеловала. Малышка придала мне уверенности. Всё-таки это платье – моё.

– Элли, – начала я, немного не смело поднявшись с её постели. – Тут записка, – я поднесла его ей, сестра жадно сжимала мягкую ткань платья двумя руками, – оно для меня.

Мы смотрели друг на друга. Её лицо ничего не выражало. И это пугало меня больше, чем, когда она злилась. Она что-то обдумывала, взвешивала.

– Забирай. Мне всё равно не нравится. Оно совершенно не по моде. – Сестра с некоторым пренебрежением всунула мне в руки платье и отвернулась к зеркалу поправляя макияж, а затем мы все вздрогнули, когда в дверь позвонили. – Мне уже пора! Au revoir!

Через несколько минут входная дверь хлопнула и в квартире воцарилась тишина.

Я рассматривала ткань платья, ещё никогда мне не дарили ничего столь дорогого и изысканного. Оно было не для меня. Но – было моим.

– Мама, какое красивое! – Лори крутилась возле меня. – Надень! Надень!

Детский энтузиазм оказался заразным. Я скинула своё серое платье с карманами и пышной юбкой на поясе. В комнате Элизабет я нашла красивую комбинацию и новые чулки. У зеркала я взяла пудреницу и лёгкими воздушными движениями придала своему лицу свежий вид. Далее – помада и немного туши для ресниц. И последний штрих – мой новый друг, нежно-голубое чарующее платье.

Дочка стояла в изумлении. Она редко бывала такой тихой, я даже засомневалась всё ли сделала правильно.

– Очень красивая! Красивее чем тётя Элли! – Воскликнула дочь.

В зеркале на меня смотрела прекрасная молодая женщина, волосы её были слегка небрежными, лёгкими волнами спадая чуть ниже плеч, но это придавало её образу ещё большую лёгкость, цвет платья оттенял глаза и делал кожу лица почти белой. Мне несомненно нравилось видеть себя такой. Впервые я почувствовала себя красивой.

В дверь вновь постучали.

– У нас снова гости, – вздохнула я. Переодеваться было некогда, поэтому я отправилась открывать дверь в новом наряде. На пороге оказался Джейкоб. Я опешила и засмушалась. Это ведь его подарок. Взгляд Джейкоба был целиком устремлён на меня, а я наоборот – не знала куда себя деть, глаза то и дело устремлялись в пол, под который мне хотелось провалиться от стыда. Лори подошла к нему и протянула руку, заставляя меня краснеть сильнее – сказывалось влияние Элли.

Джейкоб улыбнулся и поцеловал маленькую ручонку моей дочери, а затем обратился ко мне.

– Рад, что оно оказалось вам в пору. – Я набрала в лёгкие воздуха пытаюсь вернуть самообладание.

– Благодарю вас, но прошу впредь воздержаться от подобных жестов. Знаете, у сестер не принято принимать ухаживания одного мужчины. – Я старалась держаться достойно, Джейкоб с интересом смотрел на меня, и мне становилось душно.

– Отужинайте со мной. – Ответил он, проигнорировав мои слова. Я вновь опешила.

– Я н-не могу, – неожиданно мой голос задрожал, я стала заикаться.

– И к тому же, Лори! – Я стала искать глазами дочь.

– Её не с кем оставить.

Он коварно улыбнулся.

– Я предвидел ваш ответ, – он открыл дверь и вернулся ненадолго на лестничную клетку, а затем в дверь вошла молодая девушка.

– Знакомьтесь, – за ней показался Джейкоб, – Габриэлла – ваша няня.

Моему удивлению не было предела. Он звал меня на свидание, ухаживая и заботясь обо мне, он так же позаботился о моей дочери. Габриэлла вошла в дом и тут же отправилась на кухню, ведя за собой дочку, так словно уже знала все наши комнаты. Джейкоб протянул мне руку.

– Прошу вас, Роза. – Почти шепотом произнес он, от его голоса по телу побежали мурашки. С секунду я колебалась, а затем случайно уловила своё отражение в зеркале у дверей

за спиною Джейкоба. Всё та же элегантная и прекрасная леди, что и в спальне сестры смотрела на меня, и как бы шептала «Иди».

Я протянула руку ему в ответ.

– С радостью.

Глава 8. Мария

Западная Вирджиния, 1986 год Лимонница

Зачарованная плавными движениями крыльев, почти невесомой нежно-лимонной бабочки я шла беззвучно, боясь разбудить домашних. Хотя в этом огромном доме и без людей хватает скрипящих без повода половиц я на всякий случай двигалась очень тихо. Лимонница вела меня за собой. Когда я только собралась спать она тихо присела на край моего пухового одеяла, поманив за собою взмахом крыльев.

Я задержала дыхание, яркая бабочка словно маленький небесный фонарик освещавшая мой путь в темноте, вела меня к комнате сестры. Остановившись, я сделала глубокий вдох, затем выдох, не сводя взгляда с лимонницы.

Родившись в середине июня, Аннет, словно бы по волшебству впитала в себя все краски этого месяца, ярко-жёлтое слепящее солнце, что так ласково согревает тебя в саду, яркие оранжевые блики на воде, и лимонницы, лучи солнечного света, посланные на землю в виде бабочек. Характер дерзкий, упрямый, справедливый. Всегда защищать, любить, понимать – её призвание. Она улыбалась, когда ей было грустно, пела, когда на душе было хорошо, и освещала мой путь. Такой я её помню. Такой я хотела быть для всех, чтобы они не забывали Аннет.

Она была зачинщицей всех наших проделок, я готова была пойти за сестрой на любое приключение. Наш побег в лес, тому подтверждение. Когда сестра болела я подолгу сидела в её спальне, мы разговаривали обо всём на свете, играли в «Угадай кто?» изображая по очереди разных комедийных персонажей. Те дни были наполнены солнечным светом.

Комната сестры была не заперта и дверь отворилась как по волшебству. Передо мной стоял выбор. Вернуться к себе в комнату или перешагнуть порог.

Между лопатками я почувствовала тепло, лёгкое касание по спине, и я уже занесла ногу над порогом этой загадочной, но такой манящей обители. Ещё мгновение, и я пересекла черту. Теперь я на другой стороне, разглядываю всё вокруг. Здесь всё так как я помнила. Тяжёлые тёмные шторы плотно закрывали огромное окно посреди комнаты, где стояла кровать с балдахином, из чёрного дерева, застеленная, нетронутая.

А бабочка тем временем присела на край пухового одеяла.

– Можно я прикоснусь к тебе?

Услышав голос, я в ужасе обернулась. Рука Доминика тянулась ко мне, к моему лицу, к моим губам. Паника забрала все слова, которые вот-вот хотели вырваться наружу из моего пересохшего горла. Вскрикнув, я поднялась в постели.

Это был всего лишь сон. Я выглянула в окно. Солнце сияло на небосводе, впервые за эту долгую хмурую неделю. На небе не было почти ни облачка, я придвинулась к подоконнику, около которого стояла моя кровать, что было безусловно моей идеей, очень удобно вот так просто выглядывать в окно ранним утром, практически не вставая с постели. Наш сад ещё не проснулся после долгого зимнего сна, но я уже представляла каким чудесным он будет, как зацветут магнолии, что посажены вокруг фонтанов около ступеней, ведущих в зимний сад, прямо под моим окном, я видела зелёный ковёр теплой ласковой травы, который приглашал меня прогуляться босой, а после вздремнуть летним полуденным сном под стволом огромного дуба, который рос в самом центре сада.

Будучи маленькими озорными девчушками мы с Аннет часто проводили время под раскидистым дубом, читая вслух «Алису в стране чудес» и воображая, как однажды из-за куста бегоний выглянет белый кролик и поманит нас за собой, а после мы найдем нору под дубом и несомненно окажемся в сказочной стране.

Моё сновидение было слишком реальным, я всё ещё чувствовала те прикосновения, мягкой дымкой его лицо рассеивалось рядом с моим. А жёлтая бабочка не казалась мне такой уж выдумкой. Сон уходил медленно, как спадает поутру мягкое пуховое одеяло, оставляя тебя беззащитным, отбирая возможность вернуться назад, оставалось только вспоминать. И смущаться до самых кончиков волос.

Услышав шаги за дверью, я поспешно вскочила с постели и накинула тёплую вязаную кофту поверх ночнушки.

– Мария, вы уже проснулись? – В дверь аккуратно постучала миссис Хипкинс, я промычала в ответ, так как держала во рту заколку, заплетая волосы перед зеркалом.

– Я вхожу. – Служанка отворила дверь, и в нос сразу же ударил запах жареных яиц и бекона, отчего мой желудок болезненно сжался.

– Я принесла завтрак, а также я должна вам напомнить о дополнительных занятиях с мистером Гаррисоном.

При упоминании о Доминике, мистере Гаррисоне, я открыла в изумлении рот и выронила заколку, отчего та упала на пол, слегка отскочив в сторону кровати. Я наклонилась, в надежде, что миссис Хипкинс не увидит смущенный румянец моих алых щёк.

– Доброе утро, – тихо сказала я, пряча лицо в волосах.

– Спасибо, я позавтракаю и отправлюсь сразу же... – Бормотала я, принимая из рук служанки поднос.

– Ваша матушка просила так же не задерживаться допоздна, а по приходу домой не забудьте показать ей записи, конспекты и всё что вы успели сделать.

Быстро закончив завтракать, я приняла душ и надела старые голубые джинсы и всё тот же абрикосовый свитер до колен, бросила в сумку несколько тетрадей для записей, а также свой с трудом высушенный почерневший по краям альбом для рисования, на котором почти все рисунки были испорчены, кроме тех, что были в карандаше, там мне удалось кое-как восстановить несколько набросков сестры. Я всё никак не могла изобразить её лицо, словно боясь взглянуть в её карамельные глаза и не удержаться, снова проливать слёзы дни напролёт, блуждая в округе в тщетных бесконечных поисках. Порой мне даже казалось, что её и вовсе не существовало, такими безлюдными и серыми мне казались улицы, где мы вместе любили бродить. Неужели все забыли какой она была? Но возвращаясь домой, я вспоминала, всюду ловя отголоски её звонкого смеха, следуя за бабочками прошлого, я знала, что моя сестра существует.

Минуя старинные кованые ворота, я оказалась на дороге перед домом миссис О`Браян.

Всю дорогу какая-то неведомая сила гнала меня со всех ног, хотя я знала, что о конкретном времени мы не договаривались и в свой выходной Доминик, мистер Гаррисон, должно быть захочет поспать подольше, поэтому мне незачем торопиться. Но, когда я оказалась во дворе знакомого мне с детства деревянного дома, моё дыхание было сбитым, сердце колотилось так словно я только что пробежала марафон, а на лбу и над верхней губой образовалась испарина.

Остатки сна всё ещё туманили мне разум, оказавшись на веранде у входной двери я замерла, отгоняя прочь ярко-жёлтую лимонницу, почему мне приснился Доминик, я не знала, но этот сон продолжал смущать и вгонять меня в краску.

– Ты пришла! – Передо мной на пороге как-то слишком внезапно оказался учитель. Его волосы были взъерошены, словно он только встал с постели, а глаза сияли ярким тёплым светом, заставляя меня отвести взгляд, я машинально задержала его на руках Доминика, он как всегда был одет в удобный джемпер, рукава которого были закатаны до локтя, открывая моему взору вены на его сильных руках, а также большие ладони с красивыми длинными пальцами, словно у пианиста.

– Ну чего застыла, Мария? – Мария. Он назвал меня по имени, сердце само собой взлетело до самого горла, приведя меня в чувства мощным ударом.

– Здравствуйте. – Наконец ответила я и чуть приподняв подбородок, улыбнулась.

Доминик был по-детски счастлив сегодня. Словно у него было день Рождения, или он выиграл в лотерею. Я знала его всего то дни, но ощущала ясно, этот человек, рядом со мной, счастлив. И сейчас он делился этим чувством со мной. Я улыбнулась смелее, а через секунду мы оба стали смеяться, он выхватил мою сумку и уйдя с прохода жестом пригласил войти.

– Я всё подготовил, – Доминик переминался с ноги на ногу, интригуя меня. Я осмотрелась по сторонам в поисках миссис О`Браян, но её нигде не было.

– За миссис О`Браян рано утром прибыл автомобиль, её старший сын стал отцом во второй раз, кажется у них родился мальчик. – Словно угадав мои мысли, мистер Гаррисон поспешил дать мне ответ. Признаться, честно, рядом с ним у меня сильно кружилась голова. То ли от переизбытка эмоций, то ли от нехватки кислорода, но мне пришлось схватиться за край деревянной столешницы, чтобы не упасть. Я была рада услышанной новости, но ещё больше меня распирало любопытство, что именно подготовил мой учитель.

– Ты в порядке? – Он заметил то как шатко я стою и поспешил поддержать меня за плечи, и в эту секунду я почувствовала электрический разряд по всему телу и резко отскочила от него.

– Со мной всё хорошо! – Быстро выпалила я.

Если честно, то осознание того, что мы были тут с ним вдвоем, вызывало во мне бурю эмоций. Я никак не ожидала этого, но и уходить мне не хотелось. Я давно не чувствовала себя так, словно всё то горе, которое я хранила в сердце понемногу окрашивалось из серого в яркие цвета, становясь легче и отпуская меня.

– Я всё просчитал, – он указал на дверь, которая вела на веранду на заднем дворе, – сейчас ты идёшь и рисуешь сколько душе угодно, а когда тебе надоест мы уделим немного времени анатомии, ведь, как я думаю, твоя матушка будет нас проверять?

В удивлении я открыла рот. Так вот что он задумал. Тот самый план, который я чуть было не разрушила за столом в нашей гостиной. Он догадался, что меня там держали насильно, не выпуская никуда, не давая мне дышать. Доминик нравился мне всё больше, и от этого моё сердце сжималось. Я не должна так думать о нём.

Широко улыбнувшись я выбежала на веранду и была удивлена ещё больше, он всё подготовил. Доминик достал мой мольберт и подготовил краски, а также на стареньком шезлонге заботливо лежал клетчатый плед, а рядом на подносе стояла чашка ещё дымящегося кофе.

– Не буду тебе мешать, – услышала я позади себя.

Солнце играло в прятки с тонкими чёрными ветками деревьев в саду миссис О`Браян. Я рисовала причудливые тени на земле, прорисовывая тонкие зелёные ростки травы, которая только начала проклёвываться. Смешав на палитре насыщенно-зелёный, почти изумрудный цвет с белым, получив желаемый результат, я живо орудовала кистью. В этот раз я не забыла надеть фартук и закатать рукава свитера, так что смело жестикулировала полной краски кистью.

Всё ещё прохладный мартовский ветер забрался мне под кофту, я поёжилась, выпрямившись. Плечи затекли, я несколько раз покрутила головой вправо и влево, приятное тепло разливалось по телу снимая напряжение. Оглядевшись я увидела мистера Гаррисона, сидящего чуть поодаль на таком же стареньком шезлонге, рядом с ним стоял старый журнальный столик, и Доминику приходилось, из-за роста, сидеть за ним чуть сторбившись, он что-то увлеченно писал в блокнот, а свободной рукой придерживал книгу, так как ветер трепал её страницы. На мгновение я увидела лимонницу, она пролетела надо мной и села на его плече. Вот только Доминик ничего не заметил. Некоторое время я наблюдала как он работает. Мышцы на его лице были напряженными, иногда он чуть сжимал губы, при этом глубоко вздыхая. Ветер играл с его непослушными волосами, я и сама не заметила, как мои волосы превратились в необъятную копну.

– Ты закончила? – Внезапно он взглянул на меня, отчего я, словно поперхнувшись воздухом, от неожиданности закашлялась. Да что со мной? Возьми себя в руки. Предприняв попытку

заправить за уши выбившиеся пряди волос, я выронила кисть из руки. Доминик встал и прямоком направился ко мне. Я застыла, когда его рука потянулась ко мне, вспомнив, что произошло во сне я закрыла глаза, а затем почувствовала, как он касается моих волос, бережно заправляя прядь мне за ухо. В нерешительности я открыла глаза. Но Доминик смотрел в сторону дома.

– Телефон, я должен ответить. Если ты закончила, тогда мы приступим к занятиям. – Он сказал каким-то холодным, отстраненным тоном, не глядя на меня, а затем скрылся за дверью и только потом я услышала телефонную трель.

Некоторое время спустя он вновь появился на веранде, но от того Доминика, которого я встретила утром не осталось и следа.

Несколько отстранённый, задумчивый, он положил перед мной два учебника и указал на параграфы, которые мне необходимо было прочитать, а сам дав мне время принялся дальше что-то писать в своем блокноте за журнальным столиком.

Закончив заниматься, я собрала свои вещи, ожидая, что он что-нибудь скажет ещё, но мистер Гаррисон был где-то далеко, казалось мысли его пытаются решить какую-то сложную задачу, и все свои ресурсы он задействует только для этого.

Я не надеялась, что он захочет меня проводить как в прошлый раз, ведь на улице ещё было светло.

Но когда я оказалась в дверном проёме он вновь взглянул на меня.

– Ты любишь лошадей? – Я была немного ошарашена его вопросом, совершенно не понимая, где блуждают его мысли и в каком направлении он думает, но ответить мне хотелось.

– Да, очень. Прекрасные и свободные. – Улыбнулась я, и кажется в этот момент он тоже улыбнулся или мне только показалось.

– Тогда завтра после школы я приглашаю тебя на конную прогулку, немного не по теме конечно, но назовём это внеурочной деятельностью. – Он подмигнул мне, и моё сердце вновь подскочило до самого горла. Возьми себя в руки, твердил внутренний голос. Но что-то другое тоже внутри, радовалось.

Попрощавшись я медленно поплелась в свой мрачный замок, не веря во всё то, что сегодня произошло со мной и с теплом вспоминая, как Доминик касался моих непослушных волос.

Глава 9. Мария

Западная Вирджиния, 1986 год Влюблённость

Ночь выдалась душной и бессонной. Мне было о чём поразмышлять. Я всё прокручивала в голове этот день. Меня беспокоило странное поведение Флорэнс, ведь она даже не стала проверять мои так тщательно написанные конспекты, и не выслушала мой рассказ о том, как весь день мистер Гаррисон пытал меня вопросами по школьной программе. Когда я вернулась домой то обнаружила, что свет в той самой комнате, двери в которую закрыты для меня навсегда, горел. Я на цыпочках пересекла холл и оказалась у восточной стены, в небольшом коридоре, который вёл в кабинет отца, и где на пути меня всегда ожидала, словно дикий зверь, притаившись в ночи, старая дубовая дверь. Тоненькая полоска света вытекала из неё, словно кто-то случайно пролил на пол солнечный свет, я задержала дыхание и встала со стороны приоткрытой двери. Моё сердце вдруг забилось чаще, то ли от страха, то ли от безумного волнения. Краем глаза, я увидела волосы Флорэнс, она стояла спиной ко мне, трудно было сказать, что она делала там, смотрела перед собой или быть может читала книгу, ведь я не видела ни её взгляда, ни рук. Но почувствовав, что я стала на шаг ближе к разгадке у меня вдруг появилось неудержимое желание войти и посмотреть, что такого скрывает эта женщина. Позади меня раздался неуместный скрип деревянных половиц, отчего я резко обернулась и увидела встревоженный взгляд миссис Хипкинс, и потому почувствовала себя нашкодившим ребёнком которого застали на месте так называемого преступления, даже если ничего такого противозаконного и не произошло. Её глаза расширились, а рот беззвучно требовал «Уходите». Сглотнув я аккуратно развернулась на одних лишь носках и направилась в западное крыло, в столовую.

Сев на стул у длинного прямоугольного стола с вычурной резьбой, я пыталась привести своё сбившееся дыхание в порядок. С самого детства я знала, что в нашей семье существует два запрета – 1. *Не спрашивать маму о перчатках.* 2. *Ни при каких обстоятельствах не входить за ту страшную дубовую дверь.*

Когда мы с Аннет пытались выведать тайну закрытой двери у отца он всегда отшучивался и говорил, что у каждого человека есть парочка скелетов в шкафу, но для нашей мамы существует целая комната. А затем он менял тему разговора. Заводя старую песню о том, какими прекрасными врачами мы с сестрой станем. Я тут же делалась сама не своя и убегала в комнату, а сестра послушно выслушивала все куплеты.

Но на этот вопрос я не знала ответа, как и на многие другие: в этой семье слишком много тайн, и порой мне казалось, что я тону в их пучине, отчаянно глотая воздух скатываюсь в кроличью нору, в которую так мечтала попасть еще в детстве, но теперь это не приносит мне радости.

Вернёмся к моему наследию. Самая младшая в семье, бывалая фантазёрка, как любил говорить иногда Фрэд, чувствовала, что среди нас слишком много врачей и возможно моё нежелание становиться медиком как-то связано с тем, что для меня в этой чаше не осталось таланта. Марго была невероятно способной, Фрэдрик – любимец всей семьи, и Аннет, всегда третья, но не последняя, ведь эту цепь замыкала я.

Наш папа был родом из штата Кентукки, родился в небольшой семье фермеров. С раннего детства он очень любил лошадей, благодаря этой его страсти мы с братом и сестрами часто посещали здешнее ранчо для воскресных прогулок. Однажды на папин день Рождения к ним приехали гости из соседнего штата, дальние родственники, отец тогда уже стал настоящим фермером, отлично справлялся с хозяйством, подковывал лошадей, принимал участие в конкурсах, вот только в столь юное пылкое мальчишеское сердце ворвалась первая любовь. Дочка

их гостей была немного старше и уже училась в медицинском университете. Она сразу же пленила нашего папу своей добротой, умом и красотой, в его мире о такой благородной профессии могли помышлять лишь отчаянные глупцы, но он понимал, чтобы приблизиться к той, кого любишь, необходимо переплюнуть всех этих фантазёров и сразу же взялся за учёбу забросив работу на ферме. К слову когда он рассказывал эту историю нам однажды зимним вечером у камина, в присутствии мамы, мы смущённо смотрели на мамино лицо, но она выглядела непроницаемой, спокойно читала книгу сидя на канапе, и даже бровью не повела в нашу сторону. Фрэд сразу же посчитал своим долгом подстегнуть отца и спросил, почему же он всё-таки не женился на той доброй, прекрасной и умной леди, а в ответ получил от Марго подзатыльник. Отец говорил, что, окончив школу он переехал в Западную Вирджинию, чтобы связаться с Джинни, той девушкой, они поддерживали связь, но некоторое время назад она перестала отвечать на его письма. Отец успешно сдал экзамены и поступил в тот же вуз, где училась она. И вот однажды они встретились в коридоре университета, наш папа на всех парах мчался к ней, такой прекрасной и особенной, но быстро обжегся узнав, что она выходит замуж и ждёт ребёнка. Шли месяцы, горе и печаль пленили его сердце, как когда-то прекрасная Джинни. И вот одним чудесным весенним утром отец увидел её, необычную, словно из другого мира, Флорэнс. Она очаровала его своим пылким нравом, отказом назвать своё имя, причудливой благородной речью, странным аксессуаром в виде перчаток до локтей, он тогда решил, что это такая мода в её колледже, своей европейской внешностью и то как искусно она игнорировала папины попытки заговорить с ней. Он следил за ней до самого общежития, где жила мама при закрытом колледже для Леди, дожидался её после занятий, каждый день провожал домой, и вот однажды, она не выдержала и спросила кто он. Тогда отец ответил, что учится на медика, а мамина реплика, которая шокировала нас всех, если конечно так и было, так как всё повествование велось сугубо от папиного лица, пока Флорэнс дочитывала свою книгу, она поставила ему условие: он должен стать настоящим врачом и тогда она выйдет за него.

Мы не ведали – какая доля правды присутствовала в этой истории, но слушать рассказ о той Флорэнс, которую мы никогда не знали было слишком интересно, поэтому вся история воспринималась на веру безоговорочно.

Вот только после исчезновения сестры эта странная идиллия в нашей семье дала трещину. Мы больше не собирались всей семьёй у камина послушать очередную историю из жизни, мама стала ещё закрытие и холоднее, словно её сердце наполнилось ледяной водой и тяготило её. Она просто не могла дать нам ни частички своего бывшего тепла. Отец постоянно находится в командировках, сейчас мы почти не видимся, и я очень тоскую. В городе есть квартира, близ нашей больницы, отец проводит много времени именно там. Однажды старшие поведали нам с Аннет об этом жилище, Фрэд сравнивал его с убежищем от сил зла, к слову он любил пошутить на счет матери, Марго же наоборот всегда оправдывала поступки отца чисто деловым интересом. И сейчас у меня возник вопрос, почему? Не связано ли это с тем выпирающим скелетом из комнаты с дубовой дверью? Не чувствует ли отец, что для них обоих в этом доме слишком мало места?

На столе меня дожидался ужин, накрытый начищенным до блеска серебряным клоше. Суп был ещё горячий, я схватила кусок свежееиспечённой чабаты и отметив про себя, что миссис Хипкинс должно быть увлеклась итальянской выпечкой, быстро расправилась с супом. Аппетит проснулся сумасшедший.

Весь день то и дело моё сердце колотилось как ошалелое исчерпав все виданные и невиданные мною запасы энергии, а ведь завтра меня снова ждут эти ощущения. К слову о чувствах. Умолившись поудобнее в своей кровати, я наблюдала как на небе зажигаются яркие звёзды, а крона старого дуба в саду медленно покачивается, без листьев он был похож на злого великана с множеством рук, но я помнила каким он станет уже совсем скоро и как здорово будет вновь устраивать пикники у его подножия. При этой мысли я осеклась, когда это я вспо-

минала о наших весёлых посиделках с Аннет в последний раз? С тех пор как она исчезла я и думать не могла о таком. Отчего же сейчас я вновь чувствовала, что готова двигаться дальше? Неужели все эти новые чувства означают что-то важное? Я стала крутиться туда и сюда, отгоняя прочь воспоминание, такое свежее и манящее, оно то и дело выпрыгивало перед глазами, словно попрыгунчик, Доминик подходит ко мне и заправляет прядь волос за ухо. Глубокий вдох, мгновение, выдох. Мне надо выспаться, ведь завтра у нас вновь дополнительные занятия. И с огромным трудом стараясь уgomонить душные вздохи влюблённого сердца я с головой накрылась одеялом, отправляясь в царство снов.

Весь день я парила где-то в облаках, за что получила несколько внезапных замечаний от своих учителей. А всё потому, что для меня, мечтавшей о скорейшем окончании дня, любой кто отвлекал от столь заманчивого занятия, был внезапным. Мистер Гаррисон несколько раз показался в школьном коридоре, но ни разу мне не удалось встретить его взгляд, чтобы поздороваться. Я больше ни о ком не могла думать и это меня пугало. Но остановиться было невозможно. Впервые после исчезновения Аннет другой человек занимал мои мысли на столько сильно. На последнем уроке мне безумно захотелось рисовать. Сначала я стала копошиться в сумке в поисках своего альбома, а потом застыла. Альбом, которому не посчастливилось искупаться в одном из наших вычурных фонтанов, и который я так тщательно высушивала, был больше не пригоден для рисования, страницы скукожились, напоминая перепаханные поля после сбора урожая, или лёгкую рябь на зеркале океана.

– Мария! – Вдруг раздалось над ухом. Я в страхе выпучила глаза на человека, стоявшего надо мной. Это был мой преподаватель, вот только какой сейчас урок?

– У вас случайно не найдётся свободного листа бумаги? – Отозвалась я, а секундой позже уже мчалась по коридору со своей сумкой в руке к выходу. Лицо моё озаряла яркая улыбка, да такая, что у меня начало сводить мышцы лица. Пока меня не поймали, а о последствиях сей выходки я и вовсе не думала, стоило как можно быстрее скрыться из стен школы.

Но пробегая мимо учительской я невольно остановилась напротив чуть приоткрытой двери, кажется это входило в привычку – следить за людьми, но иначе я не могла, ведь оттуда доносился голос Доминика. Он и другой учитель что-то оживленно обсуждали. А после, мистер Гаррисон, развернулся и взяв свой кардиган направился к выходу, где и наткнулся на меня.

– О, Мария! – Взволнованно выпалил он.

– Лошади, – шепнула я, заглядывая ему за плечо, чтобы убедиться, что тот другой учитель занят своим делом.

Лицо Доминика сделалось каким-то виноватым, одной рукой он провёл по своим непослушным волосам, затем прикусил нижнюю губу, отчего я вся точно весенняя травинка, напряглась.

– Прости, я совсем забыл об этом, может в другой раз? – Мы отошли от учительской и направились по коридору к выходу, минуя уборщицу, которая сопровождала нас неодобрительным взглядом, видимо оттого, что мы вышагивали по только что помытым ею полам.

– У меня есть кое-какие дела в городе, я должен уехать на пару дней. Как раз договорился о заменах.

Лицо моё разразил неподдельный ужас.

– Но вы же обещали? – Пропищала я, сама, не ожидая своей реакции и того, как при этом изменился мой голос. Доминик оглянулся по сторонам, а затем наклонился ко мне, я разволновалась сильнее, услышав запах его одеколona, но смотрела прямо перед собой, разглядывая легкую щетину на подбородке, *только бы не встретиться с ним взглядом, сейчас.*

– Давай покатаемся после того как я вернусь, – он улыбнулся мне своей мягкой привычной улыбкой, от которой у меня сводило желудок.

– Вы уезжаете прямо сейчас? А это может подождать до вечера? – Взмолилась я, желая провести с ним хотя бы несколько часов.

Он колебался некоторое время, снова пытаюсь пригладить свои волосы. А затем его лицо как-то само собой смягчилось.

– Хорошо, – вновь улыбнулся он.

Иногда нам кажется, что мы родились не в ту эпоху, не в то время и не в том месте. Нас должны были ожидать головокружительные балы и готические замки, несметные богатства, дуэли на шпагах за честь дамы, вычурные котильоны или просто другие люди. Но мы не выбираем время, место или людей. Когда мы впервые открываем глаза свету, всё уже правильно и на своём месте.

Я часто ощущала себя лишней, я не была похожа на свою семью, кроме нежелания стать врачом было много всего, другая натура, слишком не такая, и часто мне об этом говорили, среди одноклассников я была одиночкой, близких людей в школе у меня не было, я не сблизилась с одноклассниками, потому что мне это было неинтересно, от природы не страдала от недостатка общения, всё что мне нужно у меня было – настоящий друг, человек рядом с которым я не ощущала неловкости своего существования зная, что я на своём месте, моя сестра, Аннет. Когда она пропала – то единственное, что связывало меня с реальным миром, та ниточка которая заставляла меня проявлять хоть какую-то заинтересованность в своем окружении – исчезла.

А сейчас происходило нечто совершенно на меня не похожее. Кажется, я вновь обрела человека, рядом с которым всё становится на свои места. И реальность вновь достигала меня, я стала свидетелем своей жизни, теперь мои дни не проходили незамеченными, как песок, размытый на дне океана. Собственная жизнь вновь заинтересовала меня.

За городом находилось небольшое ранчо Вудвик, им владели муж с женой, уже многие годы они жили только вдвоем. Маленькими детьми мы не задумывались с Аннет, почему у этой пары не было детей, нас это мало заботило, нас приводил сюда отец каждые выходные, пока не погряз в больничной рутине, что было очень давно, тут мы отлично проводили время, давали имена лошадям, на которых катались, придумывали различные истории, осваивали новые навыки. Сейчас я понимаю, что эта семья посвятила свою жизнь выращиванию этих прекрасных и гордых созданий. Ранчо было их детищем. Оказавшись тут спустя семь лет на меня нахлынули воспоминания. Пока Доминик договаривался о нашей поездке с мистером Вудвиком, я огляделась. Всё тот же старый ринг, внутри которого сейчас гуляли несколько вороных лошадей, они жевали сено и фыркали, загадочно смотря перед собой своими миндалевидными тёмными глазами. За рингом виднелся небольшой дом с красной черепичной крышей, на окнах шевелились занавески, погода стояла солнечная, и видимо миссис Вудвик решила впустить весенний ветерок в свою обитель. Правее я увидела небольшой огород, на котором уже виднелись зелёные стебли разных овощей, а поодаль белым пятном на меня глядела теплица. Помню, как однажды нас угощали свежей клубникой, после конной прогулки, пока мы с Аннет ждали, когда нас заберет отец. Подул ветерок, солнце стояло в зените, а на небе лениво ползли белые облака. Я вновь вспомнила картины из детства, вкусы и запахи. Позади меня располагалось стойло для лошадей, ветер принёс запахи оттуда, я поморщилась, но всё же улыбнулась воспоминаниям.

– Надеюсь ты умеешь ездить, – подмигнул мне Доминик, пока затягивал ремни на седле у моего точно угольного жеребца.

Я лукаво улыбнулась.

– Попробуйте меня обогнать. – Смело заявила я. Мистер Гаррисон закончил с ремнями подошел ко мне вплотную.

– Позволишь? – Я опешила. Позволю что? Я вновь уставилась на его подбородок, а затем моему взору предстала его широкая улыбка. Не зная, что именно он имел ввиду я пожала плечами, но кивнула. В следующий момент я почувствовала его большие руки на своей талии, он крепко схватил меня и в одно движение помог сесть в седло, оказавшись наверху я в ужасе

посмотрела вниз. Как только он смог поднять меня? Какой человек скрывался под этой клетчатой рубашкой и вязаным кардиганом?

Доминик с лёгкостью вскочил на своего коня, так будто практиковал это движение ежедневно. Он закатил рукава рубашки до локтя, и я невольно засмотрелась как выступали вены на его руках, когда он натягивал стремя.

– Но! – Скомандовал он. И я последовала его примеру. Мы неслись на встречу солнцу, которое стало медленно клониться к линии горизонта. Я не могла его нагнать, но от этого чувствовала себя ещё счастливее. Как же давно это было. Ветер хлестал меня по лицу, унося в пучину воспоминаний, словно машина времени он нагонял прошлое, Аннет ехала впереди меня, вскрикивая от счастья, а я старалась догнать сестру, но всё что мне оставалось – это до конца погони смотреть на её спину.

Доминик замедлился, я почти нагнала его, а сердце бешено колотилось. Каждая клетка моего тела была наполнена абсолютным счастьем, остановившись я вдохнула полной грудью свежий воздух, разглядывая чудную картину, что открывалась нам. Долина струилась вниз, словно пологий водопад, равнина переходила в густые леса, ели и сосны стояли вечнозелеными стражами, а солнечный свет раздвигал их ветки своими хрупкими руками.

– Это великолепно. – Мне хотелось навсегда запечатлеть эти мгновения в своей памяти.

– Тебе стоит нарисовать этот пейзаж, не так ли? – Я молча наблюдала за ним. Доминик слез с коня и вынул из сумки, которая была прикреплена к седлу, мои принадлежности для рисования. И когда только он успел захватить краски и кисти из дома миссис О`Брайан, неужели они были в его сумке с самого утра? Вопросы остались без ответа, когда он вновь протянул ко мне руки и сжав мою талию аккуратно снял меня с лошади. В тот момент я всё же посмотрела ему в глаза. Наконец. Теплая волна счастья охватила меня. Но он был совершенно непроницаем. Оказавшись на земле, я пришла в себя и осмотрелась где бы устроиться.

– Надеюсь ты не возражаешь, что я стал пользоваться той старой пристройкой на заднем дворе? – Он вынул небольшой плед, который мы одолжили на ранчо и расстелил его.

– Конечно. Спасибо вам за всё. – Ответила я, не став копаться в деталях того, зачем ему понадобилась пристройка. Я присела на плед и принялась раскладывать кисти.

– Я взял это всё без спроса, прости. – Он сел рядом и стал помогать мне, извлёк небольшой лист бумаги из своей папки.

– Этот подойдёт?

Я прощупала лист. Он был слишком тонким для рисования акварелью, но расстраивать Доминика мне не хотелось, а желание рисовать уже поглотило меня.

– Ещё раз, спасибо. – Я принялась за дело, мне хотелось ухватить хоть частичку того вида, который открывался нам. Мистер Гаррисон даже прихватил небольшую ёмкость для воды и налил туда немного из своей фляги, которую нам так же одолжили на ранчо. Мне было тепло и уютно. Я рисовала, он смотрел перед собой, иногда на меня, заставляя моё сердце трепетать подобно колибри.

– Почему вы заботитесь обо мне? – Первой молчанье нарушила я, отчего удивилась собственной смелости, ожидая услышать что-то о долге учителя перед ученицей, но всё же надеясь на другой ответ.

Доминик задумчиво посмотрел вдаль, моя лошадь фыркнула, жуя траву неподалеку, я улыбнулась, про себя отметив находчивость реакции животного. Почему он так долго молчит? Какие слова первыми пришли ему на ум и почему он лишил меня возможности услышать настоящий ответ. Я знала, когда человек так долго молчит он придумывает что сказать, а на самом деле настоящий ответ пришел ему на ум в ту же секунду, когда он услышал вопрос.

– Учитель должен заботиться о своей ученице. – Изрёк он. В этот момент я представила, как картинно бы закатила глаза моя старшая сестра Марго и засмеялась.

– Что-нибудь не так? – Он повернулся ко мне и по виду был совершенно ошарашен моей реакцией.

Я продолжала хохотать, а лошадь фыркала в такт моему смеху, Доминика это рассмешило и нам обоим уже было не удержаться.

Глава 10. Ника

Западная Вирджиния, Чарльстон 2018 год

«— Доктор Эмисон, срочно пройдите в операционную В»

Срочный вызов. По плану операция будет только вечером, а сейчас 15:30.

Кроме меня в больнице Эмисон Мёрси полно хороших врачей, мой брат Фрэдрик недавно стал главным врачом и сразу же позаботился о том, чтобы сменить старое поколение на новое.

Взгляд на экран телефона, зависшее смс «*Прости, между нами всё кончено, не пытайся связаться со мной...*». Не помню нажала ли я кнопку «*Отправить*» перед тем как бросила ненавистный мобильный на стол, а после мигом бросилась на вызов.

Вылетев из своего кабинета, я нажала кнопку лифта и после непродолжительной паузы уже спускалась на третий этаж, в операционную В.

Внизу меня ожидала бледная медсестра, лицо её сливалось с халатом.

— Доктор Эмисон, ваша мать... — жалобным, точно звук расстроенной скрипки, голосом сказала Менди.

Мать? Я молча вошла в предоперационную, Менди осталась ждать снаружи. Другая медсестра, имени которой я не могла припомнить, помогла мне собраться. Я вымыла руки, она подала мне стерильную салфетку, затем надела шапочку, маску и халат.

Я вошла.

Вокруг стола толпились врачи и несколько ассистентов, ожидавших указаний с готовностью держащих свои руки согнутыми в локтях, мой брат, Маргарита, старшая сестра — уже десять лет является заведующей отделом травматологии, самого крупного в штате Западная Вирджиния. Странное сборище, по атмосфере напоминавшее мне наши семейные встречи.

Взгляды последних были устремлены на меня. Мать. Я подошла к столу, аккуратно протиснувшись меж докторами, её грудная клетка была открыта, а сердце смотрело прямо на меня. Меня поразило только одно. Бездействие. Почему все эти люди в белых халатах стояли молча и ничего не делали? Я глянула на монитор, ассистенты молчали, Менди замерла где-то в дверях. Я была уверена, что иду на операцию, а судя по всему здесь всё уже было кончено.

— Давление — отсутствует, пульс — нет.

— Время смерти... — изрёк кто-то слева от меня.

Смерти? Мать. Мама. Флорэнс Эмисон, в девичестве Бергер. Её строгое лицо сразу же пронеслось в моём сознании, она смотрела на меня из прошлого своими пустыми глазами, не выражавшими ничего. Я никогда не стремилась поразить её чем-то, ведь ещё в очень раннем возрасте поняла — это невозможно. Она не любила никого. Вечно закрывалась в своей комнате, она оттолкнула от себя даже человека, которого как я всегда считала невозможно не любить, отца. Он смотрел на неё глазами полными нежности, не смотря на её равнодушие и холодность, и вопреки всему этому любил её, до последнего вздоха.

Что ж, она умерла. Я жмурилась от света люминесцентной лампы, этот яркий свет раздражал слизистую глаз, поэтому они увлажнились. Никакой другой причины здесь не было.

Я опустила руки, находиться под пристальными взглядами всех этих людей, а также ненавистного желто-голубого света мне больше не хотелось.

Я двинулась к проходу, но Менди преградила мне путь.

— Доктор Эмисон, ваша мама...

Снова этот слишком жалобный голос.

Мама? Я даже не могла припомнить, когда в последний раз видела её, или слышала голос. Трудно смотреть на человека или слушать его, когда глаза смотрят сквозь тебя, а звук не дохо-

дит до мозга. Ведь в её словах никогда не звучало моего имени, а значит для меня там не было ничего адресовано.

– Отойди.

Выйдя я скинула с себя халат и яростно разорвала перчатки. В операционной позади меня послышалось движение и робкие голоса, и кажется плач, Марго.

Глаза всё ещё были влажными, грудь что-то сковывало. Я хочу на крышу. Подышать воздухом.

Лифт был занят. Я нажимала и нажимала металлическую кнопку, но он всё не ехал.

Ступеньки. Находясь всего лишь на третьем этаже, я во многом недооценивала свой подъем на девятый. Пройдя несколько лестничных пролётов, я ощутила дикую тяжесть и всю ту же скованность в груди. Ещё один пролет, Ника, ты сможешь. О мой внутренний голос, давай же.

– Ты сможешь. – Вырвалось из моей груди. Неожиданная модуляция голоса. Словно он совсем не мой. А какой-то детский, жалобный. Один раз в своей жизни я звала на помощь эту женщину. Я упала с дерева у нас в саду и поранила колено, раны были неглубокими, но кровь продолжала литься и вскоре руки и лицо я так же испачкала в красный цвет, смешанный со слезами. Помню, как зывала к этой женщине «Мамочка, помоги мне, мамочка...».

Я остановилась вверху пролёта и рассмеялась.

– Мамочка, помоги мне... – смех новой волной вырвался из моего рта, отчего я согнулась пополам и на секунду потеряла равновесие.

Ступеньки вокруг меня мелькали словно мотыльки над вечерней лампой в саду на старом деревянном крыльце, не знаю в какой момент, но я всё же схватилась обеими руками за голову, и пролетев до конца ступеней ощутила дикую боль. Голова была цела. Крови не было. Что не скажешь о правой руке.

– Чёрт... – взмолилась я. Теперь мой голос напоминал мне голос Менди, теперь я стала той самой расстроенной скрипкой. – Чёрт, чёрт, чёрт!!!! – Закричала я. Слезы горячим потоком хлынули из глаз. Как же давно я не ревела. Как маленькая запуганная потерявшая маму девчонка. Потерявшая маму.

– Сиди смирно, что ты как маленькая... – шикала Марго.

Сестра всегда была намного заботливее родной матери. Сейчас она осматривала мой ушибленный лоб и постоянно расстроено вздыхала.

– Я в порядке. – Попыталась отстраниться я.

– Сказала же, сиди смирно! – Марго усилила натиск, продолжая обрабатывать рану.

– На снимке – перелом лучевой кости в типичном месте. – Констатировал вошедший Фредерик.

– А что главврачи теперь лично делают снимки пациентам? – Выглянула я из-под руки сестры.

– Я твой брат! – Неожиданно он повысил голос. – И старше тебя, прояви уважение к тем, кто о тебе заботится!

Я опустила глаза в пол. Да, мне стыдно. Марго и Фред действительно были теми людьми, которые проявляли обо мне заботу с самого детства. Я часто бывала в больнице, когда они проходили здесь практику или на рождественских вечеринках вместе с нашим отцом, меня словно нарочно уводили подальше от Флорэнс. Чтобы мы не сближались. Чтобы не обременять её. И это было мне невдомёк. Зачем тогда она родила меня, к тому же так поздно? Быть третьим ребёнком в семье, когда твоим старшим уже далеко за двадцать очень трудно. Ты не можешь делать вместе с ними элементарных вещей, построить шалаш в комнате и рассказывать страшилки, играть в настольные игры, просто поговорить по душам. Потому что они тебе в родители годятся. Мне всегда было неловко. И вот сейчас они вновь более походили на моих родителей, чем следовало. Возможно поэтому я не чувствовала боли утраты той женщины, что

родила меня. Не было той связи, которую можно было разрушить. В отличии от моего брата и сестры.

– Как вы? – Тихим голосом спросила я.

– Кажется, что всё это сон, какой-то очень реалистичный сон. – Сказала сестра тяжело вздохнув, пряча слёзы в уголках глаз. Марго наконец закончила обрабатывать рану на голове.

– Сделаем тебе еще КТ головы, возможно – сотрясение.

– Сегодня мы все потеряли родного нам человека... – Ответил Фрэд. Марго взглянула на него. Они обменялись тем самым взглядом, в который меня никто не собирался посвятить. Что там сейчас происходит в их мыслях? Они всегда были близки, и я этому немного завидовала, вот о такой связи между родными я всегда грезила.

– А сейчас за мной, доктор Фирс наложит тебе гипс. Надеюсь ты понимаешь, что тебе необходим отпуск? Ты больше не сможешь оперировать – до полного восстановления.

Сердце билось чаще. Я не смогу выполнять свою работу. Эта новость действительно огорчала меня. Только не сейчас.

Вывавшись из цепких рук доктора Фирса я, отказавшись от КТ, сразу же отправилась на подземную парковку. И здесь столкнулась с первым препятствием – я не могла вести машину. Как же, одной рукой? Я посмотрела на гипс, который крепко вцепился в мою правую руку от кисти до самого локтя и завывала.

Такси. Мысли путались. Тупая боль проступала после остатков обезболивающего, мне ещё многое необходимо преодолеть. Например, сейчас я была в своей больничной обуви, в простых и удобных шлепанцах с закрытыми передниками, ведь на работу я пришла в ботинках на шнурках. Я даже не стала бы пытаться завязывать шнурки одной рукой, а просить о помощи – нет. Никогда. Меня отучила от этой больной привычки моя мать. Просить о помощи и принимать помощь тоже. Она умерла сегодня. Я помнила это. Но что-то внутри меня вдруг захотело поставить в телефон «напоминалку». Телефон.

Оказавшись у моего дома я с огорчением вздохнула. Я забыла сотовый на работе. Кажется, он бездушно валяется где-то на моём столе в кабинете и возможно трезвонит, ведь я ушла, не предупредив старших. А ещё, Он возможно, будет меня искать.

Расплатившись кое-как с водителем, кряхтя и высовывая грязные купюры из бумажника практически зубами, я оказалась дома. Хорошо, что дверь открывалась кодовым замком. Не представляю какво это проворачивать левой рукой ключи в замочной скважине и одновременно тянуть дверь на себя. Немыслимо.

Оказавшись дома, я наконец вздохнула. Но без облегчения. Моя двухъярусная квартира соединялась крутой хай-тек лестницей с левой стороны от входа. Чтобы попасть в спальню мне нужно было бы опираясь о боковую стену аккуратно преодолеть двадцать ступеней, ведь с другой стороны – перил не было. Такова задумка дизайнера Мишель Белли, надеюсь она здорова и руки у неё целы.

Я никогда не придиралась к дизайну своей квартиры-студии, как сейчас модно говорить, к тому же она у меня как торт – состоит из двух слоёв. Но вот эта лестница сегодня впервые показалась мне не такой дружелюбной, какой бы мне хотелось. Я боялась сделать и шаг, ни одна ступенька не вызвала доверия. И вот поэтому я вспомнила цитату из какого-то недавно просмотренного мною фильма «Иногда лучший выбор – это не делать ничего». Итак, я просто спала на диване в прихожей.

Следующие несколько дней мне приходилось не сладко. Словно Алиса в стране чудес, я бродила по дому понимая сколько всего чудаковатого вокруг меня и как я раньше не обращала внимания на все эти детали своего быта. Орудовать только левой рукой было очень сложно. На кухне меня настигло фиаско с приготовлением пищи, я бесилась и роняла все вокруг, попутно сшибая предметы своим объемным гипсом. Благо – есть телефон и служба доставки. Несколько дней меня кормил шеф-повар ресторана «А ля за углом» различными деликате-

сами: пицца – пожирнее, суп – смотри-сколько-кукурузы и т. д. Вся эта еда точно отвечала сказочным параметрам – «расти – булки». Вот только я – не Алиса, и собственный дом для меня сейчас представлял кучу сложностей.

Представляю, что сейчас думают Фрэдрик и Марго, обо мне – какая же я плохая дочь и сестра. Они приходили несколько раз, только я не открыла дверь, притворившись спящей. Знаю, что похороны уже прошли. Марго подсунула мне записку под дверь.

Все эти дни я смотрела телевизор у себя в прихожей, она же кухня и столовая, и как же хорошо, что именно на первом ярусе находился туалет, спасибо дизайнеру, снова желаю ей здоровья. Укутавшись в тонкий серый плед на черном кожаном диване в полутьме, я смотрела очередной очень плохой фильм с Томасом О`Брайном. Новая комедия с его участием вгоняла меня в тоску. Отчасти – в ностальгию. Ведь он был моим другом, когда-то давно, лет так двенадцать назад. После него у меня больше никогда не складывалось таких доверительных отношений с мужчинами, и от того все мои отношения терпели неудачи. Снова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.